

Алексей ГУБАРЕВ

**КОСМОС НАЧИНАЕТСЯ
НА ЗЕМЛЕ.
ЭПИЗОДЫ...**

Алексей ГУБАРЕВ

Космос начинается на земле. Эпизоды...

Москва
«Русский раритет»
2011

Автор выражает глубокую признательность
за помощь в издании данной книги членам
теннисного клуба в Солонцово

**Особая благодарность –
лично
Солонцову Владимиру Иосифовичу**

*Посвящается светлой памяти
моей горячо любимой супруги
Губаревой Надежды Алексеевны*

ОТ РЕДАКТОРА

В качестве предисловия

В 2011 году наша страна отмечает 50-летний юбилей освоения человеком Космоса. Эту дорогу нам проложил Ю.А.Гагарин. Вслед за ним пошли и другие. В этом году исполняется 80 лет со дня рождения одного из последователей Ю.А.Гагарина, дважды Герою Советского Союза, Герою ЧССР, летчику-космонавту СССР, генерал-майору авиации в запасе Губареву Алексею Александровичу. Гагарин был первым, Губарев А.А. стал 33-м советским и 74-м космонавтом мира. Долгих 14 лет отделяли его от полета Гагарина, и целых двенадцать лет он ждал момента преодоления земного притяжения в отряде космонавтов. И, несмотря на уже двузначную цифру «ожидания», он вышел на орбиту, причем не единожды, поставил несколько мировых рекордов.

Он тоже был «первым»: первый успешный длительный полет на орбитальной станции (1975) «Салют-4», первый командир международного экипажа по программе «Интеркосмос» (1978).

Можно сказать, что он вложил неоценимый вклад в развитие современной космонавтики. Сейчас уже привычно и обыденно, что на орбите на МКС работают смешанные международные экипажи. Но именно он был первым, и именно его опыт, знания и умения развили и преумножили современные космонавты и астронавты.

Биография А.А.Губарева в современном Интернете укладывается в несколько строк. Но за этим стоит целая жизнь, полная борьбы, взлетов и падений, умения концентрироваться и проявлять силу воли, быть несгибаемым и мужественно идти к намеченной цели. Его жизнь может служить примером для современной молодежи.

Губарев А.А. является автором нескольких книг: «Притяжение невесомости» (М., «Современник», 1982) и «Орбита жизни» (М., «Молодая гвардия», 1990), а также соавтором книги В.Ремека «Породненные орбитой» (М., «Молодая гвардия», 1983).

В эту книгу будут включены эпизоды, которые не входили ранее ни в одну из изданных, и, возможно, будут интересны читателям. Эпизоды о том, как простой деревенский мальчишка прорывался за пределы Вселенной, к звездам, преодолевая не только земное притяжение, но и земные невзгоды, которых на его жизненном пути было немало. Вы узнаете о некоторых его встречах с известными и интересными людьми. Эпизоды военного детства, юности, службы в Вооруженных силах СССР и вступления в отряд космонавтов, космической подготовки. Эпизоды, длиною в жизнь.

Мы не ставили себе целью в этой книге изложить биографию Губарева А.А., поэтому эпизоды будут расположены в свободном порядке, а хронологию событий, если возникнет такая необходимость, читатель сможет установить сам по краткой биографии А.А.Губарева, представленной в приложении.

«...КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ...»

С Ю.А.Гагариным впервые встреча произошла здесь, в Центре подготовки космонавтов (ЦПК, которому впоследствии было присвоено его имя), когда мы прибыли сюда в начале января 1963 года. Но в принципе – не с этого надо начинать. Начну с заочного знакомства, когда я впервые услышал о Юрии Алексеевиче.

Я заканчивал Военно-воздушную академию в Монино, которой тоже впоследствии было присвоено имя Ю.А.Гагарина. И вдруг нам объявляют, что космонавт Юрий Алексеевич Гагарин приземлился. Это было утро 12 апреля 1961 года, и мы, слушатели академии, собрались в актовом зале, где был телевизор. В сообщении давали характеристику параметров первого космонавта планеты, в том числе вес, рост. Конечно, я испытал в восторг и восхищение от этого события, подвига Юрия Гагарина. Но вместе с тем где-то внутри появилось чувство, что и я бы мог быть вместе с ним в этой «организации». Правда, когда я услышал его данные, эта мысль как появилась, так и исчезла: я не подходил под них ни со своим весом более 85 кг, ни со своим ростом 176. Поэтому внутреннее желание пойти по его стопам отпало само собой. И в дальнейшем никаких мыслей, что я могу быть космонавтом, у меня нигде не отложилось и не зафиксировалось.

После окончания академии я был назначен на службу в Крым, в гарнизон, располагавшийся в городе Саки, в военно-морскую авиацию на должность комэска. И вот однажды в марте 1962 года я произвожу посадку, и мне по радио сообщают:

– 41-й, – (я был командиром 1-й эскадрильи), – зайдите на командный пункт, вас приглашает «Первый».

А «Первый» – это позывной командующего ВВС Черноморского флота. У меня мгновенно мелькнула мысль, что, это возможно, повышение по должности. Потом уже – другая: может, какие-то дисциплинарные вопросы? Но предположить, что коман-

дующий ВВС Черноморского флота Мироненко Александр Алексеевич, генерал-полковник авиации, предложит мне быть космонавтом, я не мог даже и во сне.

Я и не думал даже, что мне поступит такое неординарное предложение — подать заявление о зачислении в отряд космонавтов, а полагал, что будет действительно повышение по службе, потому как у меня армейские дела складывались, не побоюсь этого слова, блестяще. Одной из лучших эскадрилий в авиации Черноморского флота была моя. Командующий Мироненко был мне знаком еще по Дальнему Востоку, когда я там служил. Мы, вместе с моим другом Соколовым Алексеем, были двумя воздушными разведчиками на весь Тихоокеанский флот, поэтому задание получали напрямую от командующего. А Мироненко Александр Алексеевич в то время был его заместителем: Герой Советского Союза, командующий авиадивизии, авиакорпуса ПВО, в составе которого было 15 полков МиГ-15, МиГ-17, четыре из них приняли участие в Корейской войне 1950–1952 годов, а с мая 1956 года в течение 15 лет руководил Военно-воздушными силами Черноморского флота. Поэтому мы были с ним давние друзья еще по Дальнему Востоку, и он как-то по-отечески меня опекал и мне симпатизировал.

Александр Алексеевич пригласил меня в отдельную комнату, в те времена было очень все секретно, и только там уже предложил мне написать рапорт о зачислении в отряд космонавтов. Это были далеко не сегодняшние дни, когда человек еще только собирается в отряд, а уже дает интервью по телевизору. В те времена, времена «холодной войны», было все секретно, на уровне государственной тайны.

— Товарищ Губарев, мы хотим вас рекомендовать в космонавты. Я предлагаю вам написать рапорт о зачислении в отряд, — сказал как-то даже буднично командующий.

Я, конечно, немного растерялся от столь неожиданного предложения, поскольку уж этого не ожидал никак: «неподходящие» параметры четко отложилось в подсознании. И я даже уже сжился с мыслью, что полеты в космос — не для меня из-за моих физических габаритов, привык к своей авиационной жизни. Служба у меня хорошо шла, то есть «та самая» карьера, были перспективы в части, поэтому, немного подумав, спросил:

— Товарищ командующий! А если меня там медицина где-то «зацепит», меня «зарубят», и я не пройду, тогда как быть?

А он мне совершенно определенно сказал:

– Не волнуйся, у тебя все будет хорошо. Если не пройдешь туда, то ты у меня уже стоишь в резерве на командира полка на ТУ-22.

В те годы эти самолеты только-только входили в строй – это было начало 1962 года. И это тоже был «карьерный рост». Тем не менее я все же попросил время на обдумывание данного предложения:

– Товарищ командующий, разрешите все-таки подумать пару минут.

Вышел из секретной комнаты на улицу и размышляю: «Просто невероятно, что мне предложили пойти в космонавты. Я же сам сначала об этом мечтал, услышав о полете Ю.А.Гагарина, но почему-то и отменил эту идею сам. Теперь мне вот предлагают, а я еще о чем-то думаю. Это же шанс познать новое, неизведанное, быть среди первопроходцев. Мне предоставляется возможность не только встретиться с Юрием Алексеевичем Гагариным и Германом Степановичем Титовым, но если повезет со здоровьем, то и влиться в их ряды. Летчиков уже много, а космонавтов – только двое». И я дал согласие, так как всегда интересно быть одним из первых, изучать неизвестное и осваивать неизведанное. Вернулся через несколько минут и написал рапорт на имя командующего ВВС Черноморского флота, что желаю вступить в отряд космонавтов, что готов отдать жизнь, если это от меня потребуется. И дальше, после длительных медицинских испытаний, я был зачислен в январе 1963 года во 2-й отряд и прибыл по новому месту службы.

Конечно, я был очень горд и счастлив. Я познакомился со своими новыми друзьями по второму набору: летчиков нас было девять человек, а всего во второй отряд пришло пятнадцать человек, и практически все с высшим образованием. Поясню: в 50-е годы летные училища выпускали летчиков со средним специальным образованием, а высшее образование давала только академия. Таким образом, практически весь 2-й отряд закончил академию, что давало нам все шансы на продвижение по службе и по летной работе, а некоторые, как я, уже пришли с командных должностей, не самых высоких, но ведь мы были еще достаточно молоды (в среднем около 30 лет). Это уже позже летные училища стали давать высшее образование. Вместе со мной в отряд были зачислены Шаталов Владимир Александрович, Добровольский Георгий

Тимофеевич, Филипченко Анатолий Васильевич, которые стали моими друзьями. Чуть позже, осенью этого же года, в наши дружные ряды второго отряда влился Георгий Тимофеевич Береговой, участник Великой Отечественной войны, боевой летчик, Герой Советского Союза, а первым командиром нашего отряда стал Никерясов Николай Федорович, позднее – замполит ЦПК, удивительной души и прекрасного характера человек, с юмором, который всегда мог поддержать в трудную минуту, подставить плечо.

Жизнь и работа нашего второго отряда, конечно, протекала совместно с первым. Подготовки, разумеется, были разными, потому что за это время уже была проведена предварительная космическая подготовка, а мы только догоняли, наверстывали – два года шла «общая космическая подготовка». Потом нас, два набора космонавтов, объединили в один, и Ю.А.Гагарин стал командиром нашего объединенного отряда. Затем Юрий Алексеевич, что было вполне естественно, пошел на повышение, став заместителем начальника Центра подготовки космонавтов.

Что касается моих личных отношений с Юрием Алексеевичем, то я не буду кривить душой и утверждать, что нередко приходится слышать в наше время, будто бы я был его лучшим другом, как говорится – не разлей вода. Но отношения были очень теплые и уважительные, и, несмотря на то, что я был чуть старше по возрасту, я к нему обращался только по имени-отчеству – Юрий Алексеевич, а он ко мне – просто по имени – Алексей. Мне было даже очень приятно, что он меня так называет по-дружески, но со своей стороны, я всегда старался соблюдать и выдерживать эту нашу военную субординацию: не панибратствовал и никогда не позволял себе обратиться к нему фамильярно, по имени – он для меня всегда оставался моим командиром, старшим по званию, примером, хотя Юрий Алексеевич, как и я, в свое время пришедший из морской авиации в космонавтику, очень тепло и с симпатией ко мне относился. Однажды, когда я только что приехал на Чкаловский и еще был в военно-морской форме, Юрий Алексеевич меня весело и радостно поприветствовал: «Ага, пришло нас, морячков!» У нас сложились, я бы сказал, родственно-профессиональные отношения морского авиационного братства. Я его очень уважал, уважаю и не скрываю, что был горд и счастлив, что имел честь служить с ним вместе в Центре, в одном отряде, затем под его руководством.

На протяжении всей нашей совместной службы – это чуть более 5 лет, я никогда не фотографировался вместе с ним, и не потому, что мне не хотелось бы иметь совместное фото, но в те времена сверхсекретности не дай бог было появиться, даже случайно, где-то на страницах газет или журналов в одном с ним кадре – это означало поставить крест на своей службе в отряде космонавтов, засветиться, выдать военную тайну, государственный секрет, заявить таким образом, что «я тоже космонавт», пусть пока и не слетавший. Но это, впрочем, совершенно не распространялось на мою супругу, Надежду Алексеевну, Надюшу, как к ней обращался Юрий Алексеевич. Моя жена возглавляла, как теперь принято говорить, «женское движение» в отряде. Она была первым председателем женсовета Звездного городка. Вместе с Юрием Алексеевичем входила в родительский комитет школы, а поэтому, в силу своей общественной работы, частенько занимала место в президиумах различных собраний рядом с Юрием Алексеевичем, была с ним на дружеской ноге, как говорится, на «ты», а я скромно наблюдал за ними из «партера».

Таким образом, то, что я служу «космонавтом», тщательно скрывалось не только от прессы, но и от родственников – от матери, от сестер. Свою жизнь в Звездном городке, в одном доме с космонавтами, для них я объяснял тем, что «работаю летчиком», помогаю готовить космонавтов к полетам – «вожу их на невесомость». И вот однажды произошел такой случай.

Мы только-только переехали из Чкаловского (где жили до 1966 года) в Звездный, а 9 мая, в День Победы, как всегда, решили встретиться с семьей и родственниками два праздника – день рождения сына Владимира, и День Победы: среди моих родственников было много участников войны. Эти две даты всегда очень любили в нашей семье и отмечали: сын родился в юбилейный год, в ночь с 9 на 10 мая, через десять лет после Победы. И я пригласил в гости на день рождения сына и на праздник Победы Юрия Алексеевича Гагарина. Когда Юрий Алексеевич зашел, моя мама очень обрадовалась, что она находится рядом с первым космонавтом Вселенной. Она не знала, куда его усадить, чем его угостить, и только приговаривала с восторгом:

– Ах, Юрий Алексеевич! Кушайте, кушайте, угощайтесь! Первый раз я сижу с космонавтом за одним столом, да еще с вами!

А Юрий Алексеевич, принимая угощения, со вкусом пробуя мамины знаменитые «блинцы», в беседе за столом как-то так непринужденно возьми да и скажи немного полушутливо:

– Ефимия Ивановна! Да что вы такое говорите! Что вы так за мной-то ухаживаете, у вас вон сын сидит, свой скоро будет космонавт! – Проговорился невзначай, раскрыв мою так хорошо выстроенную «легенду», «подставил», так сказать, перед родными. Родственники сначала сделали вид, что пропустили его фразу мимо ушей и не поняли, но потом все-таки мне пришлось оправдываться перед матерью, и я ее попытался убедить, что это Юрий Алексеевич так пошутил, чтобы ее порадовать. Думается, что мама все поняла, но больше с вопросами никто не пристаивал, все делали вид, что верят моим объяснениям и не знают правды, эдакий «секрет Полишенеля» – все все знают и понимают, но это большой-большой секрет!

Этот эпизод, простой и бытовой, показал, что в жизни Гагарин был достаточно скромным человеком, не «выпячивался» на первый план, а даже чувствовал себя не совсем уютно от такого чрезмерного внимания окружающих, тем более, что он был в гостях у своего коллеги, и это Юрий Алексеевич и попытался подчеркнуть своей фразой.

Тем не менее однажды мама все-таки вернулась к этой реплике Гагарина, видимо, она глубоко запала в душу: космонавт я или нет? Справедливости ради, надо сказать, что не только Юрий Алексеевич проговаривался. Алексей Архипович Леонов тоже, как-то заглянув к нам «на огонек», маме намекнул, что у нее «свой космонавт на подходе». Она была женщиной умной и понимала, конечно, что дружбу с Юрием Алексеевичем и другими космонавтами – Леоновым А.А., Николаевым А.Г. – можно было объяснить моей работой. А вот дружбу с Шаталовым? Это случилось сразу после полета Владимира Александровича. Зная, что это мой друг, что мы общаемся семьями, вместе работаем, вместе отдыхаем, ходим постоянно друг к другу в гости, делаем одно дело, и частенько встречая его у меня дома, мама вновь вернулась к этому вопросу:

– А вот Шаталов полетел! Он космонавт! Значит, ты тоже полетишь? Ведь вы вместе пришли сюда служить? Значит, и ты космонавт, – то ли утвердительно, то ли вопросительно проронила мама.

Я что-то ей объяснял. Но она уже сделала свои выводы, все поняла, догадалась обо всем сама и больше вопросов не задавала и к этой теме не возвращалась.

Последняя моя встреча с Юрием Алексеевичем произошла в печальный день его гибели, 27 марта 1968 года. Я не буду подробно описывать те факты, которые всем и так известны: Юрий Алексеевич возвращался за пропуском, мы его ждали в автобусе. Космонавты в этот день ехали на утренние учебно-тренировочные полеты, как обычно. Был рядовой полетный день. Все космонавты-летчики проходят летную подготовку, обязаны налетать определенную сумму часов, чтобы не утратить навыков. И Юрий Алексеевич с трудом, но добился того, чтобы он, как все, на общих основаниях, поддерживал свои летные навыки, т.к. он отвечал за летно-космическую подготовку в ЦПК. Руководство страны, хотя и с трудом, но вынуждено было согласиться. Может быть, этот полет для самого Юрия Алексеевича даже был более значим, чем для остальных космонавтов, поскольку после его завершения он должен был бы летать не с инструктором, а самостоятельно. Гагарин после этих полетов уже самостоятельно должен был пилотировать МиГ-17, а не летать на учебно-тренировочном МиГ-15. Я же в это время летал на транспортнике Ил-14. Полетные задания у нас были, естественно, разные: в нашу задачу входила разведка и контроль погоды, и пока 625 (это позывной Юрия Алексеевича Гагарина) будет в «зоне», мы должны «кружить» рядом, не заходя в зону его полета, и следить за погодой. Погода же была в этот день не очень хорошая: мрачно, пасмурно, темно – то ли утро, то ли уже вечер, тучи свинцово налились, того и гляди пойдет снег; несмотря на то, что это был уже конец марта, весной еще и не пахло.

Полеты начались штатно. Мы уже все летаем некоторое время. Я слышу всю радиосвязь с Землей Юрия Алексеевича: как он взлетел, как он приступил к выполнению полетного задания, все его переговоры. Гагарин докладывает об окончании полета, и последнее, что я услышал в эфире, как он сказал:

– 625-й – работу в зоне закончил. – Это был голос Юрия Алексеевича, а дальше продолжил: – Беру курс на аэродром.

И все, после этого замолк... Это последнее, что я услышал. Последние слова Юрия Алексеевича... Сам я с ним в переговоры не вступал. Случилось все в начале одиннадцатого утра. ДЕСЯТЬ МИНУТ прошли – НИКАКИХ РАЗГОВОРОВ в эфире я не слышу, ДВАДЦАТЬ МИНУТ – НЕ СЛЫШУ Юрия Алексеевича, ТРИДЦАТЬ МИНУТ – ТИХО. А я должен был слышать, как он

заходит на посадку, запрашивает разрешение. И потом нам поступает команда:

– Снизиться, занять эшелон 800 метров и внимательно осмотреть местность, не видно ли дыма или следов падения самолета.

Мы выполнили команду и, вместо запланированных 40 минут полета, на транспортнике ИЛ-14 почти два с половиной часа просматривали и внимательно изучали местность. Пытались отыскать хоть что-нибудь. Но ничего в отведенной нам для поисков зоне не видели. Хотя нас и не поставили в известность, кого или что мы ищем, и так было все ясно: мы сами слышали, как прекратилась связь с Юрием Алексеевичем, поэтому сразу догадались, что с самолетом Юрия Алексеевича Гагарина что-то произошло. А потом, когда нам, наконец, дали команду на посадку, вернулись на аэродром Чкаловский и стали вместе со всеми ждать информацию. Все полеты были запрещены, а где-то в районе 18 часов, до этого времени мы были на аэродроме, нам сообщили, что недалеко от деревни Новоселово Киржачского района Владимирской области обнаружены следы падения самолета. Юрия Алексеевича Гагарина не стало. Так погиб Первый Космонавт Планеты Земля. Человек с большой буквы!

После гибели Юрия Алексеевича Гагарина наступил словно другой отсчет времени в истории космонавтики. Трудно было в это поверить, еще труднее примириться. Нас, кому он показал дорогу к звездам, уже почти 500 человек. Это не много, хотя и не мало. Но именно он стал Первым, любимцем всей Земли. И я хочу сказать, что он был лучшим среди нас всех. С высоты прожитых лет с полной ответственностью и уверенностью заявляю, что это был самый правильный выбор Первого Космонавта ЗЕМЛИ, потому что Юрия Алексеевича отличали от всех нас большая скромность, талантливость, глубокий ум. Он очень уважительно относился к людям, я не припомню ни одного случая, чтобы он повысил голос или накричал хоть на кого-нибудь. Великий сын нашей планеты, он со всеми находил общий язык: и со студентами, и с рабочими, и с учеными, и с артистами, несмотря на то, что популярность его просто зашкаливала. Я искренне полагаю, что никто из нас, ни из тех, кто пришел вместе с ним, ни из тех, кто пришел позже, не мог бы и не может занять его места – оно только его. С.П.Королев сделал очень правильный выбор, когда Юрию Алексеевичу Гагарину доверил представлять все Человечество за пределами Земли. Я искренне горжусь, что мне довелось знать лично Юрия Алексеевича Гагарина, работать с ним и даже жить в одно время.

«СКВОЗЬ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ...»

«Правда хорошо, а счастье лучше»

В начале 70-х годов нашу космическую программу постиг ряд крупных неудач. Я входил в группу, которая готовилась к работе на ДОС «Салют». В ней было три экипажа: основной экипаж в составе Алексея Архиповича Леонова, Валерия Николаевича Кубасова и Петра Ивановича Колодина, дублирующий экипаж – Георгий Тимофеевич Добровольский, Волков Владислав Николаевич и Пацаев Виктор Иванович. Третьим, запасным, был наш экипаж – я, в качестве командира экипажа, Севастьянов Виталий Иванович и Воронов Анатолий Федорович, в качестве бортинженера и космонавта-исследователя, соответственно.

В 1971 году на старте заболел Валера Кубасов, основной экипаж сняли и заменили дублирующим, и в июне ребята – Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев – отправились на ДОС «Салют-1», полет прошел успешно, в штатном режиме они взлетели, благополучно состыковались, выполнили всю программу на борту орбитального комплекса «Союз 11–Салют 1». Все идет удачно, скоро мы ждем их на земле, и нашему экипажу поступает команда от Генерального конструктора Мишина Василия Павловича, чтобы мы готовились к следующему полету, как только ребята приземлятся, мы сразу полетим вслед за ними на станцию. Естественно, мы с еще большим усердием включились в подготовку: и теоретические знания углубляли, и на тренажерах занимались. Но произошел несчастный случай: уже при самом приземлении разгерметизировался спускаемый аппарат, а так как космонавты были без скафандров, то все они, к несчастью, погибли.

И соответственно было принято решение, что полет, к которому мы готовились, не проводить, пока не будут разработаны скафандры. Этим вопросом занималось ведомство Г.И.Северина НПО «Звезда». Естественно, что это было поручено данному предприятию, т. к. они готовили и разрабатывали скафандры для Га-

гарина Ю.А. и для Леонова А.А., когда он выходил в открытый космос. Нам – Лазареву Василию Григорьевичу, Климуку Петру Ильичу и мне – доверили испытывать новые скафандры. Наша группа проводила наземные испытания и на воде.

И вот настал час «Х», пришла пора снова готовиться к полету на ДОС. К этому времени уже поправился Валера Кубасов, они с Алексеем Леоновым должны были пойти «первым эшелон», мы же с Жорой Гречко (нас с ним поставили в экипаж) были у них дублирующим составом, а после, в случае успешного завершения их миссии, готовились стать вторым за ними экипажем на станцию.

Это был конец 1973 года, как сейчас помню. По тогдашней традиции экипажи перед полетом выезжали в Москву, где на совещании Военно-промышленной комиссии при Совмине СССР все службы докладывали о готовности, затем посещали Музей-квартиру В.И.Ленина в Кремле и потом отправлялись на Байконур. Перед каждым стартом заседала Военно-промышленная комиссия, где все конструкторы, все разработчики, космонавты, инженеры отчитывались Председателю этой комиссии о своей готовности. Возглавлял ее на тот момент заместитель Председателя Совета Министров СССР Смирнов Леонид Васильевич. Конструкторы доложили о готовности ракетно-космического комплекса, Г.И.Северин также отчитался по разработке и годности к работе новых скафандров, о том, что они испытаны. Все службы доложили о готовности к полету: ракету практически вывезли на старт, мы, экипажи, тоже подтвердили свою.

А Леонид Васильевич, решив все-таки подробнее узнать, как же работает в скафандрах, так сказать, из первых уст, и говорит:

– Я все-таки хочу послушать командира дублирующего экипажа, – и, обращаясь уже ко мне напрямую, задает вопрос: – Товарищ Губарев, скажите, как работает в скафандре?

Я прямо и без утайки отвечаю ему:

– Знаете, Леонид Васильевич, хороший скафандр, но есть особенности. Когда в нем находишься и скафандр «нерабочий», то все нормально, движения не скованы и не затруднены, все действия космонавт может выполнять без каких-либо сложностей. Но если произойдет разгерметизация и скафандр «поддуется», придет в рабочее состояние, то можно только с помощью указки нажимать на клавишу. В этом его неудобство и недоработка.

– Как так?! А мне доложили, что в нем работать можно так же свободно, как и без него.

– Этого не может быть, – отвечаю я Леониду Васильевичу. – Там даже руку не поднимешь из-за большой нагрузки.

– Получается, что меня обманули? – он говорит. – Тогда отставляю полет на трое суток.

Когда он это произнес, то все сразу, конечно, сникли: как это так, все подготовились, все замечательно. И лишь из-за мнения какого-то Губарева, «выскочки-правдоруба», скафандр, видите ли, ему недоработан, все откладывается

– Надо дорабатывать, устранять недостатки, – продолжил Председатель комиссии и объявил перерыв.

Вышли мы все, огромная толпа народа, на перерыв. А ко мне уже стали подходить некоторые конструкторы и говорить, что я теперь... (понятно, какие следуют три буквы) вряд ли полечу. Некоторые мои коллеги говорили в таком ключе: «Тебе что, мол, больше всех надо? Ты понимаешь, что они тебя сожрут?» Но тут уж я стоял на своем: «Сами знаете, что недоработан скафандр, пусть не полечу я, зато вам будет проще работать в космосе, а я сказал как есть».

И именно в этот перерыв мы должны были пойти в кабинет В.И.Ленина. Я стою ни жив, ни мертв, а на душе кошки скребут. Мне не то что идти «к Ленину», а хочется куда-нибудь убежать от себя и от других, спрятаться. Мысли путаются. «Ведь, по сути, я сейчас сам себя, своими руками уволил из отряда. Конечно, я сказал чистую правду, но кому от нее станет легче? Да, язык мой – враг мой, мне уже легче и лучше от доработки этого скафандра вряд ли будет». Правда, Шаталов, мой начальник, подошел и поддержал меня: «Не волнуйся, все будет нормально». А он был уже опытным космонавтом, трижды побывавшим в космосе, и с июня 1971 года служил помощником Главкома ВВС по подготовке и обеспечению космических полетов (заместителем Главкома ВВС по космосу) и являлся членом Государственной комиссии по пилотируемым космическим полетам.

Наконец, закончился этот тягостный перерыв. И нас всех снова пригласили в зал для продолжения заседания Комиссии. Леонид Васильевич говорит:

– Я все-таки хочу понять и разобраться в этом вопросе, еще послушать мнения членов экипажей об этом скафандре. Вот, товарищ Кубасов, скажите, как в скафандре, можно работать?

А Валера Кубасов и говорит:

– Леонид Васильевич, мне нечего добавить, Губарев все верно доложил, и я с ним полностью солидарен, могу повторить лишь то, что он сказал.

– А товарищ Макаров! Вы можете что-то сказать или добавить?

Олег тоже полностью присоединился к нашему с Валерием мнению:

– Губарев верно высказал наши претензии к данному скафандру, мне добавить нечего. Пока не в рабочем состоянии – все замечательно, а в рабочем состоянии – работать-то и трудно.

Потом еще какие-то вопросы обсуждались, но я уже сидел как на иголках, с одной мыслью: «Подписал себе смертный приговор». И наконец, подводя итоги данному заседанию Комиссии, Леонид Васильевич в заключение сказал открытым текстом:

– Если после этого откровенного высказывания Губарева на него будут гонения, травля, то разговор и дело будете иметь со мной лично.

Этим своим высказыванием он полностью снял тяжкий груз с моих плеч, и я, как говорится, воспрянул. Леонид Васильевич был не только хорошим специалистом, но и прекрасным психологом: отлично понимал, что «монстры» и «тяжеловесы» от космонавтики в лице главных конструкторов могут меня не просто сожрать, а стереть в порошок, он прекрасно представлял, какое психологическое давление на меня будет оказано. Вот так вся моя космическая карьера и подготовка чуть было не закончились, едва успев начаться.

«Таких не берут в космонавты...»

После этого эпизода, после защиты Леонида Васильевича, я продолжил свою работу в отряде и приступил к подготовке к полету на ДОС «Салют». «Салют -1» уже не функционировала, должны были быть запущены другие. Но в это время случилась череда неудачных запусков станций «Салют-2» (1972) и «Салют-3» (1974). В это же время была запущена новая космическая программа – совместный советско-американский полет «Союз – Аполлон», и экипаж Леонова – Кубасова перешел на эту программу. А в связи с этим мы с Георгием Михайловичем Гречко стали основным экипажем на долгосрочный полет. В 1974 году

была запущена станция «Салют-4», куда в январе 1975 года мы с ним и полетели на 30 суток.

Но не так прост и гладок был мой путь в космос. В промежуток с 1971 по 1973 год подвело здоровье. В одну из тренировок на центрифуге в 1973 году у меня после нагрузок врачи нашли в моче кровь и сразу же стали обследовать. На рентгене обнаружили камень в почке, размером приблизительно со спичечную головку, а раз его увидели, то сразу же отстранили от подготовки. И вообще, надо было готовиться к отчислению из отряда. Много летчиков было списано из-за мочекаменной болезни. На тот момент с таким диагнозом в космос лететь тем более было нельзя.

Мне пришлось в срочном порядке заняться своим здоровьем. Помимо наших врачей, я обращался практически ко всем светилам, которые были у нас в урологии на тот период. С их точки зрения, на это не надо было обращать внимания. Но они все-таки имели дело с обычными людьми, а у нас, летчиков и космонавтов, были другие критерии здоровья и другие нагрузки, поэтому военные врачи никак не могли меня допустить к подготовке с этим заболеванием. Гражданские врачи, правда, предложили один рецепт, который бы способствовал тому, чтобы «выгнать» камень из почки: каждый день натошак пить состав из коньяка, яиц и растительного масла, а затем прыгать, прыгать и прыгать... Прыгать до изнеможения на одной ноге по лестнице, пока камень не «сдастся» и не сдвинется.

И вот в 1973 году я отправился в ЦВНИАГ (Центральный военный научно-исследовательский авиационный госпиталь), практически на списание. И мне повезло в очередной раз на хорошего человека, высокого профессионала в своем деле. Я пришел на прием к главному урологу ВВС Голубчикову Владимиру Александровичу. Мы с ним долго разговаривали «за жизнь», затем он посмотрел снимки, почитал заключения гражданских светил и предложил мне попробовать кресло-вибростенд и местную маленькую «вибромашинку», которая ударяла по почке. Терять мне было нечего. И я приступил к ежедневным изнуряющим процедурам: голодал, заправлялся «микстурой» из масла, яиц и коньяка, затем шел на вибростенд, принимая большую водную нагрузку – выпивал 1,5–2 литра воды за один прием, а потом прыгал по лестнице. Тут я себя не щадил. Так продолжалось недели полторы-две, у меня ежедневно брали анализы, пока Голубчиков мне не сообщил «радостную новость», что у меня в моче обнаружили кровь. Это означало,

что камень пришел в движение – «процесс пошел». Мне назначили очередное рентгеновское обследование почек, но перед этим сделали определенную очищающую кишечник процедуру. После этой процедуры у меня и «двинулся» камень. Медсестра по телефону приглашает меня на рентген, а я сижу и думаю: « Не до космоса мне уже, хоть бы живым остаться». Если кто не знает, то боли при почечной колике просто нечеловеческие: душа с телом расстается. Но все, слава богу, закончилось, камень удачно вышел из почки и я отправился на рентген.

Рентгенолог уже ничего там не обнаружил, а потом камень и совсем покинул мой организм. Чуть позже я пришел к Владимиру Александровичу Голубчикову и принес свой «трофей», он какое-то время за мной еще понаблюдал, а затем вызвал к себе и сказал:

– Я, видимо, Алексей, диагноз поставлю тебе совсем другой.

Этим он практически меня спас от списания из отряда и спас мою карьеру космонавта, написав свое очень важное для меня заключение: «Здоров и годен к летной службе». Но не зря я страдал, не только свою карьеру я спасал этим случаем, после этого были изменены и сами летные правила, были внесены разъяснения, что после выхода камня летчика больше не списывать с работы, ну соответственно и космонавта. Таким образом, своим примером я проложил дорогу другим летчикам – они тоже теперь могли продолжать службу.

Итак, после выхода из госпиталя, благодаря Голубчикову В.А. и его «здоров», меня снова включили в экипаж и я продолжил подготовку.

Но не только почечные камни встречались на моем пути, были и другие, «подводные», целые «риффы», которые могли изменить ход «космического времени» для меня.

Следующим препятствием на моей дороге в космос оказалась вирусная инфекция, грипп, прямо незадолго до отъезда на старт. Это случилось в конце ноября, когда нам с Георгием Гречко оставалось пройти последнюю медкомиссию. В середине декабря 1974 года нужно было уже уезжать на стартовую площадку на Байконур, а я попадаю в госпиталь. Но все, слава богу, обошлось и в этот раз, я вскоре поправился, и мы, как и было запланировано, улетели на Байконур. На этом, к сожалению, мои приключения, а со мной и Георгия, как члена экипажа, а вернее бы их назвать злоключения, не закончились.

Мой первый длительный полет в 1975 году с Георгием Гречко был под вопросом несмотря на то, что мы уже с ним были на старте. Новый 1975 год мы встретили на Байконуре. До 4 января 1975 года, пока Юрий Павлович Семенов, Генеральный конструктор, не принял окончательного решения, мы с Жорой не знали точно, полетим ли мы или наши дублеры – на тот момент уже слетавшие Василий Лазарев и Олег Макаров.

Это было обусловлено различного рода нюансами. Во-первых, до нашего старта состоялся еще один полет в космос – с 26 по 28 августа 1974 года Геннадия Сарафанова в качестве командира космического корабля «Союз-15» вместе с Львом Деминим. В результате нештатной ситуации в работе системы сближения предусмотренная программой полета стыковка с орбитальной станцией «Салют-3» не произошла, и экипаж «Союза-15» досрочно вернулся на Землю, совершив первую в мире ночную посадку. Во-вторых, намечался совместный полет «Союз – Аполлон». Генеральный конструктор Ю.П.Семенов на фоне этих двух событий, да еще и под давлением американцев, что «у нас не все в порядке со стыковками», а как известно, должна была состояться стыковка советского «Союза» с американским «Аполлоном», испытывал определенные сомнения. Нужно было определиться: отправить ли после неудавшейся стыковки снова неопытных космонавтов или уже обстрелянных Лазарева и Макарова. Только 4 января 1975 года Генеральный нас с Жорой Гречко вызвал к себе и окончательно сообщил, что на станцию «Салют-4» пойдем мы. Мы состыковались со станцией, причем стыковку мне пришлось осуществлять в ручном режиме, и отработали 30 суток, выполнив всю программу поставленных перед нами задач и экспериментов. Много кандидатских и докторских было защищено на наших материалах, некоторые специалисты даже получили Государственные премии СССР.

Потом, уже после полета, Юрий Павлович Семенов не формально, так сказать, по-соседски, на даче, мне рассказал, что его убедили В.А.Шаталов и А.С.Елисеев в том, что наш экипаж подготовлен отлично и экипаж очень сильный, что мы не подведем ни его, ни страну, что будет все нормально. Вот так он и принял решение, и как он мне потом сказал – никогда не пожалел о своем выборе. А я, в свою очередь, хочу еще раз сказать, что «друзья познаются в беде», и поблагодарить Владимира Александровича Шаталова и Алексея Станиславовича Елисеева, его «космического напарника», что они вместе тогда отстояли перед Генеральным мою кандидатуру как командира экипажа.

КОСМИЧЕСКИЕ БУДНИ

О психологической совместимости

Нам, космонавтам, очень часто задают вопросы о совместимости. Я вам поясню, что такое совместимость, на нескольких примерах. Начну издалека. Когда я пришел в отряд, вместе со мною прибыл и Лев Васильевич Воробьев, тоже летчик.

Мы с ним подружились, у него была прекрасная спокойная, тихая, интеллигентная супруга – Нина Александровна, которая преподавала в нашей школе в Звездном городке русский язык и литературу. Лев Васильевич же был достаточно «занозистым» человеком, немного сварливым, заносчивым, себялюбивым, с большим гонором, в отличие от его супруги. Но, несмотря на эти «характеристики», наша семья с ними дружила. Своих детей у них не было, поэтому мои сын и дочь приходили в гости к Нине Александровне: поговорить о литературе, пообщаться, взять какую-нибудь интересную книгу, которой у нас не было. В семье Льва Васильевича очень любили книги и много читали.

Весной 1973 года был определен основной экипаж для подготовки по программе «Союз-13», в том числе для работы с телескопом «Орион», разработанным астрономами Еревана в составе командира экипажа Воробьева Л.В. и бортинженера В.А.Яздовского. Меня пригласил к себе на разговор В.А.Шаталов и предложил нам с Георгием Гречко их продублировать, но я честно сказал, что этот экипаж я дублировать отказываюсь по ряду причин. Во-первых, мы уже дублировали Лазарева с Макаровым и вроде как была наша очередь лететь, во-вторых, если командование приняло решение отправлять этот экипаж, пусть так и будет. Во-вторых, Лев Васильевич – мой друг, я не хочу с ним конкурировать. И нас с Георгием Гречко заменили экипажем Петра Климука и Валентина Лебедева. Пока шла подготовка к этому полету, Петр Климук постоянно просил меня о том, чтобы я заменил их экипаж и продублировал

Воробьева – Яздовского, т. к. уж очень «тяжелый» и заносчивый был Воробьев. Он постоянно цеплял Петра Ильича Климука, пользуясь тем, что тот значительно моложе по возрасту и позже влился в ряды космонавтов. Но я оставался непреклонен. И вот они – Воробьев и Яздовский – в декабре 1973 года отправились на космодром. Но их полету не суждено было состояться. Их, этих двух «Атлантов» (позывные), практически в корабле Государственная комиссия решила заменить дублирующим экипажем П.Климука и В.Лебедева, который успешно стартовал в декабре 1973 года. Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Такое в истории отечественной космонавтики было впервые, что экипаж сняли прямо со старта не по здоровью, а с формулировкой: «Экипаж Л.В.Воробьева отстранен от полета в космос из-за излишней принципиальности командира и прямолинейности бортинженера», что на простом, бытовом языке означает, что они начали ругаться уже на старте, выясняя, кто из них главнее и умнее. А экипаж – это одно целое, где каждый дополняет и помогает друг другу, но при этом соблюдает субординацию. Вот такая бывает совместимость.

Виталий Иванович Севастьянов, мой друг, с которым я имел честь работать, выбрал меня сам в качестве командира. А дело было так. С января по май 1970 года он проходил подготовку в качестве бортинженера основного экипажа космического корабля «Союз» по программе автономного длительного полета вместе с А.Николаевым и совершил свой первый полет. После этого полета, который был отмечен очень тяжелой реадaptацией космонавтов, инструктор-космонавт-испытатель (с июля 1970 года) В.И.Севастьянов продолжил тренировки в отряде. С сентября 1970 по март 1971 года он проходил подготовку в качестве бортинженера четвертого (резервного), а с мая 1971 по июнь 1971 года третьего (резервного) экипажа для полета на орбитальную станцию «Салют». Он уже был опытным космонавтом. И Главный конструктор, в тот период – Мишин Василий Петрович, разрешил ему выбрать, с кем бы он хотел тренироваться. Он выбрал меня – и с февраля 1971 года у нас сложился экипаж: Губарев – Севастьянов – Воронов. С 6 по 30 июня 1971 года мы вместе с Виталием проходили подготовку, он еще дополнительно готовился и в качестве бортинженера второго экипажа корабля «Союз-11» по программе второй экспедиции на орбитальную станцию «Салют-1». В августе 1971 года наш экипаж расформировали по причине пре-

кращения эксплуатации станции «Салют» после гибели экипажа корабля «Союз-11». Но наши дружеские отношения мы сохранили навсегда. Виталий Иванович Севастьянов и Андриян Григорьевич Николаев пригласили меня в свою «дачную» компанию, где мы частенько общались, заходя друг к другу в гости по-приятельски.

После расформирования этого экипажа меня поставили в экипаж с Георгием Гречко. Можно много рассуждать на тему совместимости, но тот факт, что мы проработали в связке с Георгием четыре года, говорит уже сам за себя. И то, что психологи нас соединили, означает, что они хорошо все просчитали. У Георгия очень покладистый, мягкий и доброжелательный характер. А это большой плюс в дополнение к его высоким профессиональным качествам инженера. Мы также сохранили друг к другу очень уважительное отношение по настоящее время. Даже во второй мой полет, когда мы с Володией Ремekom открывали программу «Интеркосмос» в марте 1978 года, мы прилетели «в гости» к Юрию Романенко и Георгию Гречко, что, согласитесь, весьма символично. Можно сказать, что наши отношения и наша совместимость проверены не только четырьмя годами подготовки, но и двумя нашими совместными полетами, самой жизнью.

Не подумайте, что все было гладко. Невесомость – такая штука, к которой надо привыкать, поэтому, когда мы с Георгием оказались на станции «Салют-4» один на один, все-таки происходили определенные изменения в наших отношениях. Если хотите, то речь идет о своеобразном «перерождении» человека в космосе... Это в некотором роде необычное явление, и нельзя сказать, что очень приятное. Условия работы космонавта весьма нелегки, особенно первое время, когда идет адаптация к невесомости. Так вот, первые трое суток на орбите наши взаимоотношения были практически такими же, как и на Земле: деловые, доброжелательные, дружеские, какие и нужны для нормальной деятельности в этих условиях. Спустя еще несколько дней стала проявляться нервозность, иногда даже различия в оценке одного и того же события, у нас даже частично поменялись вкусовые пристрастия. Ситуация складывалась нелучшим образом. Но мы оба старались побороть новое состояние. Приходилось как-то сглаживать острые углы, прощать, мириться с отклонениями в поведении партнера. А иначе и нельзя. И надо сказать, что мы с этим успешно справились, выполнив всю программу от «а» до «я».

Эксперименты на орбите

Практически все свое время, находясь на орбите, мы с Георгием посвящали проведению экспериментов, за исключением, естественно, времени, отведенного для спорта, что составляло не менее двух часов, для сна и приема пищи.

Мы проводили апробацию беговой дорожки, которую до нас испытывал на «Салюте-1» экипаж «Союза-11» Добровольский – Волков – Пацаев, экспедиция которого на ДОС, к сожалению, закончилась трагически. Поэтому мы заново стали проводить эксперимент. Мы проверяли работу беговой дорожки, постоянно отсылая показатели на землю, испытывали на себе действие нагрузочных скафандров «Чибис». Все это делалось для того, чтобы уменьшить действие невесомости и снизить ее пагубные последствия на организм уже после приземления, чтобы космонавт мог быстрее восстановиться. В невесомости, как известно, нет мышечной нагрузки, если мы не будем создавать ее искусственно. И чтобы избежать атрофии мышц, космонавты должны минимум два часа заниматься спортом – давать нагрузки организму, который «ленится» в невесомости: ходить не нужно – можно только летать или «плавать», а еда сама «идет» тебе в рот.

Даже несмотря на упорные тренировки, в зависимости от индивидуальных особенностей, на адаптацию к земной жизни после долгосрочного полета уходит не менее 4–5 дней. Тяжело ходить, мышцы истощены, вестибулярный аппарат расстроен, дает о себе знать общая слабость организма. А после – все уже более или менее приходит в норму. Наши космические медики разработали довольно успешную программу восстановления и реабилитации космонавтов: это и водные процедуры, и массаж, и физические упражнения – целый комплекс. Но о реальном и окончательном восстановлении можно говорить месяцев через 4–6, т. к. клетки, кровь, весь организм были подвержены воздействию невесомости. Через полгода космонавт уже может вполне восстановиться и включаться в работу, готовиться к новым полетам. У нас был первый длительный месячный полет, на нас апробировали систему реабилитации и восстановления космонавта после длительного пребывания в невесомости. После нас на орбиту уже отправились Виталий Севастьянов с Петром Климукон на два месяца, и так постепенно срок пребывания и работы все увеличивался и увели-

чивался. После нас молодые космонавты ставили уже новые рекорды пребывания на орбите – более года – и сами же их «били».

Возвращаясь к научным экспериментам, которые мы проводили на орбите, то еще раз повторюсь, что их было много. У нас был свой «огородик» водоросли хлореллы, за которым мы ухаживали и проводили наблюдения, как она себя ведет в невесомости, живет, развивается, и даже «зоопарк» из мушки-дрозофилы.

Очень важным направлением нашей работы представлялось наблюдение за звездами при помощи прибора-телескопа «Орион». К сожалению, так случилось, что прибор был в нерабочем состоянии, что-то произошло с гироскопом и еще были кое-какие неполадки. Мы оказались перед выбором: проводить исследование, попытавшись его как-то наладить, или целый пласт экспериментов оставить невыполненным? И надо отдать должное профессиональным качествам Георгия Гречко как инженера, а также его упорству. Он несколько дней корпел над этим «Орионом», все свое свободное время тратил на его ремонт, хотя уже казалось, что не удастся его наладить, но все-таки Жора нашел отказ, более того, сумел устранить поломку, несмотря на то, что не так много подручных средств было на станции для ремонта. Он потом с огромным удовольствием проводил положенный по программе эксперимент – наблюдал за звездами.

Нашим же основным, можно сказать, базовым, экспериментом была апробация системы СРВК: система регенерации воды из конденсата. Это так говорится, что из конденсата, а точнее в переработку, то есть очистку и восстановление, направлялась вся жидкость, в том числе и продукты жизнедеятельности человека, такие как пот и даже моча. Иными словами, есть круговорот воды в природе, а у нас был круговорот воды на станции. Почему это был очень важный эксперимент? Да потому, во-первых, что, как поется в моей любимой песне из еще с детства любимого фильма: «А без воды – и не туды, и не сюды». Вода это основа нашей жизни, без воды человек не проживет и более 3-х суток. Таким образом, нужно было наладить ее регенерацию на станции.

Безусловно, мы брали с собой определенный запас, и потом, когда стали осуществляться «подлеты» к ДОСам, в том числе и пристыковывались транспортные корабли с грузом, безусловно, запас воды пополнялся. Но стоит помнить и о том, что доставка 1 кг веса в космос – удовольствие не из дешевых, стоит приблизительно 1500 долл., а ученые до сих пор бьются над задачей ее

снижения. Во-вторых, могли возникнуть и некоторые непредвиденные обстоятельства: например, транспортник или корабль экспедиции посещения по каким-либо причинам мог не состыковаться. В-третьих – нужно доставлять не только запасы воды, но и дополнительное питание для космонавтов, которые идут «в гости» или на смену экипажу, оборудование для экспериментов, т. к. перед каждой космической экспедицией ставятся свои самостоятельные задачи. Таким образом, именно этот эксперимент в нашей программе полета был наиглавнейшим.

Мы подключили оборудование СРВК, все наладили, пропустили «водичку» и на выходе получили «чистый продукт». И тут встал вопрос: кто же у нас выступит первым экспериментатором, я или Георгий? Здесь мы решили проявить «джентльментство» и пытались пальму первенства в дегустации воды передать друг другу. Жора мотивировал это тем, что я командир, что я должен быть первым, я же, в свою очередь, говорил, что он – бортинженер, а это оборудование, и он должен принять первый удар на себя. Страшновато же все-таки было, а вдруг что-то в системе не сработало и пить придется не чистую воду? Но как-то мы достигли консенсуса и распробовали воду.

Дальше и совсем вошли «во вкус». «Водичка» была с подогревом, поэтому мы даже «разогревали» себе еду, например, пакеты с пюре разбавляли этой водой. Таким образом, мы дали добро и наивысшую оценку этой разработке наших ученых. С тех пор СРВК эксплуатируется более 35 лет. Как штатное оборудование оно стояло на всех наших советских «Салютах», на станции «Мир» и, естественно, функционирует на МКС.

О конкуренции за «место под солнцем»

Хочу вспомнить один нелицеприятный эпизод, который случился со мной как раз из-за этой СРВК, но уже не в космосе, а на земле, позже, когда я слетал в космос уже дважды. Речь идет о недобросовестной «конкуренции», вернее «против кого дружить будем», и о том, что если не удастся победить в честной борьбе, то в ход иногда идут запрещенные приемы.

Конкурентная борьба шла всегда, и не только между русскими и американцами, которые на тот момент были двумя единственными лидерами в пилотируемой космонавтике, но и среди космонав-

тов. Она присутствовала и в негласном соревновании ЦПК и НПО «Энергия», как сейчас эта структура называется, а раньше ОКБ-1, то есть между «военными» и «гражданскими». Естественно, мы делали одно общее дело, и, как вы помните, первые наборы космонавтов в основном состояли из военных, а первостепенные задачи, которые обеспечивало исследование космоса, были связаны с военными направлениями. Так традиционно сложилось, что командиром экипажа был обычно военный, а гражданские космонавты уже позже стали вливаться в отряд, ну кроме Егорова Б.Б. и Феоктистова К.П. (1964), так сказать в «группу гражданских специалистов».

К концу 70-х годов «соревнование» между тяжеловесами от мировой космонавтики, СССР и США, уже несколько поостыло: американцы готовились к запуску новой программы «Шаттл», челнокам, мы же в это время пошли по другому пути – ДОС «Салют», а американцы тогда уже отказались от своих ДОС «Скайлэбов». Требовалась какая-то новая и свежая струя в советской космонавтике, да и в мировой тоже. Поэтому, в большей степени на тот момент руководствуясь скорее политическими амбициями, нежели производственной необходимостью, на самом верху было принято решение отправлять в космос смешанные экипажи стран социалистического содружества, и после этого были отобраны космонавты из ЧССР, ГДР, ПНР, затем ВНР, НРБ, Республики Куба, СРВ, МНР, СРР, а далее этот список расширился и дополнился космонавтами из Сирии, Афганистана, Индии и уже даже Франции.

Этот проект получил название «Программа «Интеркосмос», где вместе, в одном экипаже, должны были в тесной связке работать космонавты из разных стран. Состоявшийся в 1975 году совместный полет «Союз – Аполлон» стоял особняком, и к этой программе непосредственного отношения не имел, это был такой акт демонстрации дружеских намерений по отношению друг к другу между СССР и США. Корабли состыковались, был осуществлен переход из одного корабля в другой, но экипажи были советским и американским. Если проводить параллель, то полет «Союз – Аполлон» был аналогичен встрече на Эльбе союзнических войск, а программа «Интеркосмос» подразумевала нечто сродни участия в ВОВ эскадрильи «Нормандия – Неман», которая входила в состав 303 авиадивизии 1-й воздушной армии. Иными словами – полноправное участие и общая работа. Надо отметить, что проект, запущенный как политический, оказался очень перспективным, живет и процветает

по сей день, в частности, уже давно все экипажи летают на МКС и работают в рамках программы «Интеркосмос», начало которой, первый полет, выпала честь осуществить мне совместно с чехословацким космонавтом Владимиром Ремеком. Мы с ним оказались «первенцами» этой программы, и с нашей легкой руки она работает уже более 30 лет. За время нашей подготовки был наработан большой опыт в тренировке и обучении иностранных специалистов совместной работе в экипаже и полетам на нашей технике.

В декабре 1976 года я в качестве командира приступил совместно с Владимиром Ремеком (ЧССР) в качестве космонавта-исследователя к тренировкам по данной программе. Нас было два экипажа, второй экипаж состоял из командира корабля Николая Рукавишникова и Олдриха Пелчака (ЧССР), где Н.Н.Рукавишников был заявлен впервые в качестве командира корабля от ОКБ-1. Мы тренировались совместно – два экипажа в равных условиях, и изначально не было определено, кто из нас основной, а кто – дублирующий. На тот момент даже еще не было ясно, космонавт какой страны – Чехословакии, ГДР или Польши – полетит первым. Но руководство нашего государства все-таки приняло решение, что первым открывать программу «Интеркосмос» будет чешский представитель. И опять-таки политические соображения здесь тоже играли немаловажную роль: в 1978 году исполнялось 10 лет со дня «Пражской весны 1968 года», и полет был запланирован на март 1978 года.

Таким образом, наши два экипажа готовились к полету, а кто из нас «вырвется вперед», должны были определить экзамены. Никаких преференций в ходе подготовки ни у одного из нас не было. Но у Владимира Ремека, как оказалось, были небольшие «преимущества». Во-первых, на тот момент Владимир не был женат, соответственно у него оставалось больше свободного времени, во-вторых, он достаточно хорошо, намного лучше, чем Олдрих Пелчак, владел русским языком, в-третьих, что тоже немаловажно, он пришелся «ко двору» в нашей семье. Моя жена взяла его под свою «материнскую» опеку, практически все свободное время, которого оставалось и так немного, он проводил с нами, с моими детьми, что позволяло Владимиру Ремеку еще больше, так сказать в среде, совершенствовать свой русский язык. Все свободные часы, как только у нас была такая возможность, мы с Ремеком «готовили уроки», я даже тренировал ему вестибулярный аппарат дополнительно на своем личном тренажере: у меня была деревян-

ная табуретка, на нее ставилась фанерка с роликами, и тренируемого крутили в одну сторону, а он свою голову – в другую. Это уже сработало при моей подготовке к первому полету, когда «крутильщицей» работала моя дочь, помогало нам и сейчас. Мы даже на прогулки ходили совместно и там еще дополнительно повторяли «пройденный материал». Надо сказать, что Владимир был прекрасно подготовлен как летчик, он закончил Военно-воздушную академию им. Ю.А.Гагарина в Монино, был технически очень грамотным специалистом, схватывал именно все на лету.

Поэтому, когда настала экзаменационная пора, мы сдали все экзамены, включая теорию и практику, на «отлично» и с первого раза. По каким-то причинам представители ОКБ остались недовольны, и мы с Ремekom повторно прошли всю экзаменационную чехарду на тренажере, и с тем же отличным результатом. Поэтому, когда экипажи представляли в ЦК КПСС для того, чтобы они утвердили основной и дублирующий, там поинтересовались лишь одним: кто лучше подготовлен, на что получили ответ, что наш экипаж, несомненно. Поэтому и руководство ЦК приняло решение в нашу пользу.

Мы с Владимиром Ремekom стартовали 2 марта на «Союз-28», прибыли на станцию «Салют-6», где в это время работали Ю. Романенко и Г.Гречко, а приземлились 10 марта 1978 года, выполнив всю запланированную программу нашего полета, проведя ряд совместных технологических и медико-биологических экспериментов, разработанных советскими и чехословацкими учеными. Владимир Ремек стал первым в мире космонавтом, не представлявшим ни одну из сверхдержав. Мы тогда еще посмеивались над его другими рекордами: «Владимир Ремек добился выдающегося результата – Чехословакия заняла первое место в мире по количеству космонавтов, приходящихся на один квадратный километр! Кроме того, Владимир – самый молодой холостяк, побывавший в космосе. За ним европейский рекорд и мировой!»

До сих пор мы сохранили очень теплые отношения: дружим семьями, и при каждом удобном случае Владимир приезжает к нам в гости, когда по делам бывает в России. Сейчас он уже (с 2004 года) – депутат Европейского парламента от Коммунистической партии Чехии и Моравии, член фракции европейских левых и североевропейских зеленых левых и один из 23 делегатов от Чешской Республики. В Европарламенте В.Ремек работает в комиссии

по вопросам промышленности и энергетики, а также в Комитете по сотрудничеству ЕС с Российской Федерацией. Естественно, он давно женат, у него уже две взрослые дочери.

После полетов нас, космонавтов, очень часто приглашали на разные мероприятия и встречи с людьми, в том числе с молодежью. Мы в этом плане несли общественную нагрузку в полном объеме, помогали в воспитании подрастающего поколения, рассказывая на своем примере, что если у человека есть мечта, то он должен стремиться к ее воплощению в жизнь, но для этого надо очень хорошо учиться и трудиться не покладая рук. На встречах и публичных выступлениях нас часто просят рассказать о разных эпизодах нашей «космической Одиссеи». И однажды, я даже уже не помню где, после второго полета, я рассказал о том, как мы с Георгием Гречко проводили апробацию СРВК, «водички». Вот так, как я описал здесь. На встрече присутствовало много людей, в том числе и представителей ОКБ-1. Через некоторое время я был в составе нашей делегации на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване, который проходил в 1978 году. Вместе со мной на Кубе был и Владимир Александрович Шаталов. Он мне, в самый разгар торжеств, и говорит:

– Леша! По приезде в Москву нас с тобой вызывают в ЦК.

Я спросил:

– А что случилось?

– В ЦК КПСС вызывают, мне сейчас сообщили, как приедем – сразу туда. Ты якобы плохо отзывался о нашей технике где-то на выступлении. Речь идет о СРВК. Больше ничего не знаю.

– Ты же меня знаешь, Владимир, что этого не могло быть никогда в жизни, тем более, с какой стати я буду говорить об установке, которая прекрасно себя зарекомендовала, пашет и поит уже четвертый год?

Он меня успокоил и сказал, что, видимо, произошло недопонимание, но на беседу придется сходить. По прилете в Москву мы с Владимиром Александровичем отправились в ЦК партии к нашему куратору, звали его Леонид Михайлович, фамилию уже, к сожалению, запаматовал. Он нас встречает и задает мне вопрос:

– Алексей Александрович! Как это так? Вы публично выступаете и даете отрицательные характеристики нашему оборудованию, разве это хорошо? К нам поступил сигнал, что вы нелицеприятно отзывались о нашей технике, в частности разгромили систему регенерации воды из конденсата.

Я, конечно, был крайне удивлен и отвечаю:

– Леонид Михайлович! А что, у вас есть конкретная запись моего выступления? Где это было? Давайте послушаем вместе и разберемся. Когда я это вообще мог сказать?

– Да нет, никаких записей нет, это нам доложили в устной форме некоторые товарищи.

А я тут не выдержал, у меня даже слезы навернулись на глаза от такого навета и такой несправедливости, и говорю:

– Знаете, Леонид Михайлович! Я вырос без отца, меня наше советское государство выучило, это была моя цель в жизни – выучиться и служить на благо нашей советской Родины, я летчиком был, летал на разведку к японским берегам, жизнь готов отдать за свою страну! Я бесконечно предан интересам своей Родины, и этого никогда не могло быть, чтобы я хоть слово плохое сказал публично о технике, на которой я работал. Это просто ложь и оговор! Скажите, кто вам такое про меня доложил? Я хочу с ним поговорить и посмотреть прямо в глаза!

Он меня отпустил со словами:

– Идите, Алексей Александрович, работайте, мне все ясно.

Но он, естественно, мне не назвал х фамилий. Хотя потом я узнал, кто это был и для чего это было сделано. Это была такая маленькая, но пакостная месть за то, что наш экипаж с Володией Ремekom оказался на голову выше другого, что мы победили в честной конкурентной борьбе и нам была предоставлена честь открыть программу «Интеркосмос». Просто маленькая гадость в отместку, вдогонку, как говорится, которая могла перерасти в большие неприятности, если бы это были другие времена и другие люди курировали космос в ЦК КПСС.

Я потом хотел подойти и поговорить с «товарищами», но мои друзья и коллеги сказали: «Не марайся, они сами себя замарали! И об этом почти все знают. В нашем небольшом космическом сообществе – шила в мешке не утаишь. Я так и сделал. Пусть живут и дальше с этим грузом на своей совести. Главное – чтобы моя совесть осталась чистой.

Я успешно прослужил в отряде еще три года, а затем перешел на должность заместителя начальника ГКНИИ ВВС с 1 сентября 1981 года, где мне было присвоено звание генерал-майора.

НЕМНОГО О ВСТРЕЧАХ С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ

«Свой свояка видит издалека...»

Хочу рассказать об одном интересном эпизоде – о моей встрече с американским астронавтом Уильямом Поугом. Это произошло летом 1975 года на авиасалоне в «Ле Бурже» во Франции. Я тогда представлял Советский Союз на этом мировом аэрокосмическом салоне и прибыл туда вместе с нашей делегацией.

Естественно, что представители стран-участниц ходили друг к другу в гости с ознакомительными визитами. И вот в один из дней в наш павильон пожаловала американская делегация. Естественно, у нас был друг к другу взаимный интерес, только что состоялся совместный полет «Союз – Аполлон», вроде бы в наших политических советско-американских отношениях тоже намечилось некоторое потепление.

И в составе делегации был американский астронавт Уильям Поуг. Нас представили друг другу, ему рассказали, что я советский космонавт, что в этом году совершил свой длительный, 30-суточный полет на станции «Салют-4». Мне рассказали, что астронавт Поуг тоже рекордсмен по длительному пребыванию в невесомости – 84 дня. Он пробыл в невесомости с 16 ноября 1973 по 8 февраля 1974 совместно с Дж. Карром и Э.Гибсоном, совершив полет в космос в качестве члена 3-го экипажа орбитальной станции «Скайлэб».

И вот тут, что называется, «свой свояка видит издалека». У нас завязалась беседа, несмотря на то, что был языковой барьер: он не говорил по-русски, а я – по-английски. Нам помогал переводчик, но иногда жесты и знаки, которыми мы обменивались с Уильямом Поугом, были нам даже понятнее перевода.

В частности, мы, естественно, обсуждали тему невесомости: как проходило привыкание, какие были сложности, как после по-

лета проходила адаптация к земному тяготению. Нам, ровесникам, двум летчикам, двум космонавтам, было о чем поговорить.

Мы установили, что те ощущения, которые мы испытывали в невесомости, и те ощущения, что мы испытывали после приземления, совершенно одинаковы, а для невесомости нет разницы, откуда космонавт – из Америки или из Советского Союза. Мы люди одной планеты Земля, мы два профессионала, мы делаем практически одно дело – осваиваем околоземное пространство и космос.

Ну, естественно, как водится, мы выпили по рюмочке-стаканчику за советско-американскую дружбу. Уильям сделал вид, что сейчас «отпустит» стакан в мою сторону, а я приготовился его также «в шутку» ловить. Эти жесты были понятны только нам, т.к. в невесомости мы, космонавты, так и переправляем друг другу вещи, придав им небольшое ускорение. Первое время и на Земле очень хочется не поставить на стол, например, чашку, а отпустить ее в «свободное плавание», что поначалу чревато битьем посуды, пока вновь не привыкнешь к силе тяжести на Земле.

Мы с ним пришли к одному мнению, что на Земле космонавты все-таки скучают по свободному полету в невесомости, но это может представлять и некоторую опасность для здоровья.

Я выразил свое огромное восхищение длительностью его пребывания на «Скайлэбе», а он – тем, как я мужественно отработал на «Салюте-4», нашей станции, макет которой мы представляли в Бурже. Наша станция компактнее и по объему была меньше американской, соответственно – меньше жизненного пространства, но при этом у нас там все было для экспериментов, занятий спортом и отдыха.

Мы обменялись крепкими рукопожатиями и фотографиями с автографами на память, я пошел его проводить, а Уильям, стоя на верхней ступеньке лестницы, сделал вид, что он хочет оттолкнуться и парить, а не спускаться. Мы снова рассмеялись, без переводчика поняли друг друга и распрощались. Этой своей шуткой он еще раз напомнил, что на Земле, когда идет привыкание к силе тяжести, иногда хочется вот так, стоя наверху, просто плыть, а не спускаться, делая усилия ногами.

Вообще, заочно я уже встречался с американцами. Это было во время моей службы на Дальнем Востоке. Мы регулярно совершали вылеты на разведку к японским берегам. В середине 50-х годов отношения с Америкой были напряженные. Мы фактически

вели разведку не только японских берегов, но и наблюдали за перемещением американских авианосцев. В нейтральных водах летали американцы и мы. Так, с некоторыми американскими летчиками мы уже друг друга узнавали и приветствовали: помашем крыльями, посмотрим и расходимся.

Профессионалы, в независимости от их государственной принадлежности, уважают друг друга, даже своего противника, потому что они знают, что это нелегкий труд, по какую сторону барьера ты бы ни находился.

Очевидное – невероятное

Вольф Мессинг – человек необычной судьбы, телепат, как его называют, известность которого перешагнула пределы нашей страны. Я не только был на концерте Вольфа Григорьевича Мессинга, но и совместно с Анатолием Васильевичем Филиппенко принял самое непосредственное участие в его экспериментах.

Дело было где-то в конце 60-годов или самом начале 70-х. К нам в Звездный городок со своими «фокусами» приехал Вольф Мессинг. Интерес к этому необычному человеку был так велик, что в Доме космонавтов в зале яблоку негде было упасть. Мы, космонавты, с семьями в полном составе также отправились на это представление. Сидели мы с Анатолием Васильевичем где-то в середине зала, ближе уже к галерке, словом, не в первых рядах.

Когда начался спектакль, Вольф Григорьевич «разогревал» публику, как бы угадывая отдельные мысли, мы с Филиппенко наблюдали за этим с определенной долей скептицизма. По сцене двигался пожилой, убежденный сединами человек, несколько нервически закатывал глаза, иногда покрикивая на публику, чтобы она вела себя тише, пока он работает с «индуктором». Индуктор в его понимании – это человек, который ему транслирует мысли, желания. По словам самого В.Мессинга, он эту свою способность объяснял так: «...Это не чтение мыслей, а, если так можно выразиться, «чтение мускулов»... Когда человек напряженно думает о чем-либо, клетки головного мозга передают импульсы всем мышцам организма. Их движения, незаметные простому глазу, мною легко воспринимаются. ...Я часто выполняю мысленные задания без непосредственного контакта с индуктором. Здесь указателем

мне может служить частота дыхания индуктора, биение его пульса, тембр голоса, характер походки и т. д.».

Мы, будучи еще сравнительно молодыми людьми, нам было около сорока лет, с большим недоверием смотрели на все эти «фокусы», как Мессинг угадывает мысли публики, и, естественно, полагали, что у него в первых рядах партера сидят подставные. И у нас с Анатолием Васильевичем возникло желание лично проверить способности телепата, и мы разработали, как нам тогда показалось, очень сложное задание. Оно заключалось в следующем: мы в записке написали задание для Мессинга. Он должен был с помощью индуктора, роль которого впоследствии выполнял Анатолий, отыскать меня среди полного зала зрителей, поднять с места, вывести на сцену, в одном из внутренних карманов пиджака найти расческу, расчесаться ею, угадать, сколько денег лежит в моем портмоне, затем достать саму записку и громко ее прочитать. Все это мы тщательно описали в «письме», посчитали деньги, записали сумму, вложили бумажку с описанием эксперимента в мой бумажник, и Анатолий, когда Вольф Мессинг в очередной раз пригласил из зала добровольца, отправился на сцену.

Мессинг взял его за руку и, настойчиво требуя, чтобы он сосредоточился и думал, безошибочно спустился в проход в зрительном зале. Он постоянно просил индуктора думать о задании и не отвлекаться на зал. Все, затаив дыхание, следили за его движением. Он совершенно определенно двигался в моем направлении, приблизившись, наконец, к месту, где я сидел, попросил подняться тех, кто со мною рядом, подошел ко мне, но при этом не выпуская из своей руки руку Толи Филипченко, пригласил меня следовать за ними на сцену. Когда мы поднялись, он некоторое время еще держал Анатолия Филипченко за руку, потом, с комментариями, что ему нужно забрать у меня бумажник и расческу из кармана, подошел ко мне, вытащил сначала расческу, провел ею по своим волосам. Затем достал мой бумажник, оттуда – купюры, я не помню, но где-то рублей триста или четырехста по сто рублей (в те годы это были очень приличные карманные деньги), помахал ими перед публикой и прокомментировал это так: «Теперь жена знает, какая у вас заначка». После чего, наконец, вытащил записку и пригласил кого-то из зала, ее прочитать. Зал гудел от восторга Мессинг буквально слово в слово выполнил все наше с Анатолием «полетное» задание.

Но я все-таки тоже проводил дополнительно свой эксперимент. Во время этого сеанса индукции или телепатии я пытался иногда шепотом окликнуть Анатолия, однако Мессинг это сразу пресекал, требуя тишины. Анатолий же никак не реагировал на мои обращения, он словно их не слышал. И только стоя на сцене, когда уже Мессинг отпустил его из непосредственного контакта, я вновь шепотом позвал Филипченко, и он, наконец, отозвался. Я его спросил, слышал ли он меня до того, как я его звал, на что Толя сказал, что нет. У меня было ощущение, что в самый разгар сеанса индуктор все-таки находится в легком трансе. И мне показалось, что Вольф Григорьевич Мессинг обладал не только способностью угадывать, а вернее считывать мысли, но и каким-то образом мог подавлять волю индуктора, возможно даже, вводя его в легкий гипноз определенными действиями.

Как мне кажется, «детектор лжи» тоже построен на этом принципе, и у Мессинга были способности, чтобы чувствовать все эти мельчайшие изменения пульса, сердцебиения и других показателей индуктора, ведь на все его вопросы, которые он задавал индуктору, тот тоже должен был отвечать только «да» или «нет». Таким образом, знаменитый телепат был своеобразным «детектором лжи», но, так сказать, в человеческом облике.

Вот так мы с Анатолием Васильевичем Филипченко провели свой собственный эксперимент во время сеанса В.Г.Мессинга и пришли к выводу, что какими-то сверхчувствительными возможностями этот человек все-таки обладает, что он, может быть, не фокусник, но артист – точно. С публикой он работал виртуозно, постоянно держал ее в напряжении и не давал скучать.

ИЗ РАЗРЯДА КУРЬЕЗОВ

И смех, и грех

Всех всегда интересует такой вопрос: а выпивают ли космонавты на орбите? Расскажу курьезный случай, который с нами произошел. Перед самым стартом «Союза-17» сотрудники, которые комплектуют корабль и станцию, нам с Георгием Михайловичем предложили запрятать за обшивку коньяк. Естественно, они нам пообещали, что они его перельют в пластик, спрячут за какую-нибудь панель на станции, а стрелочками нам укажут, где он находится. Мы передали им коньяк. Тем не менее все-таки с взяли собой несколько бутылочек со спиртовой настойкой элеутерококка, для поддержания тонуса. Когда мы прибыли на станцию, то быстро обнаружили панель, к которой вели стрелочки. Но едва взглянув, какое количество шурупов и болтов нам надо было бы открутить, а затем еще и закрутить, чтобы было все в порядке, мы решили – пусть так и летает этот коньяк, своими запасами обойдемся.

Когда полет закончился, и мы вернулись, к нам подошли ребята, немного сконфуженные, и сказали, что они все-таки побоялись отсылать коньяк на станцию, стрелочки-то нарисовали, а коньяк положить испугались и выпили его за наше здоровье. Мы с Жорой Гречко очень долго веселились от мысли: а если бы мы пошли «раскручивать станцию», то какое бы нас ждало разочарование после столь трудоемкой работы.

Еще был замечательный и веселый эпизод, тоже со спиртным, но уже на земле, на Байконуре. Мы с Владимиром Ремekom закончили в марте 1978 года свой полет и ожидали в гостинице «Космонавт», когда вернутся на землю Юрий Викторович Романенко и Георгий Михайлович Гречко, к которым мы летали «в гости» на станцию «Салют-6» как экипаж посещения по программе «Интеркосмос». Мы ждали их возвращения, а 29 марта у меня был день рождения. Моя супруга, с оказией, передала мне подарок – огромный хрусталь-

ный штоф с каким-то спиртным, по виду и запаху – с джином. Я гордо его достал, и мы с Володей, будучи в полной уверенности, что Надежда нам прислала бутылку джина в подарок, отпраздновали мой день рождения. Через некоторое время, когда ребята уже вернулись на землю, ко мне и к Юре Романенко приехали жены. И вот приходит супруга ко мне в номер, а у меня на подоконнике стоит пустой графин от джина, как я искренне полагал, берет эту бутылку в руки и спрашивает: «А куда же делась туалетная вода? Там же был почти литр?» – И в шутку продолжает: – «Не выпил же ее?» А мы с Ремekom молчим как партизаны. Переглядываемся! Тут моя супруга все поняла и хохотала до слез. А я лишь обиженно сказал: «Нашла что прислать, я же всегда считал тебя практичной и догадливой женщиной и не ждал от тебя таких подвохов». Видимо, напиток был качественный, с нами ничего плохого не случилось, только вкус нам показался странным. Но мы жили в Советском Союзе и не часто пили джин, хотя и знали, что пить его надо с тоником, а пахнет он хвоей и можжевельником, а значит – одеколоном. Вот такой забавный случай приключился с нами от незнакомства со вкусом иностранных напитков.

И, чтобы уже закончить «алкогольную» тему, расскажу эпизод из своего военного детства. Нас, мальчишек 10–11 лет, объединили в бригады, и мы ездили по колхозам – вспахивали в 1942–1943 годах поля. Мы выполняли тяжелую мужскую работу наравне с теми немногими мужчинами, которые вернулись с фронта. И, как водится, после посевной председатели колхозов нам накрывали стол и кормили. И вот однажды нам не только накрыли стол, но и к столу на каждого мальчишку выдали по четвертинке водки. Мужикам – «поллитра», а нам – «четвертинку». Мы, пацаны, почувствовав себя взрослыми, выпили водки, как большие, и, можно сказать, упали замертво. Мама нашла меня еле живого в поле. Естественно, что детский организм отравился такой дозой, и, откачав меня, отпоив, она взяла слово, что, пока я не встану на ноги и мне не исполнится 18 лет, эту гадость я в рот не возьму. Я маму очень любил и дал ей слово, и что самое главное – сдержал его. Мама же отправилась ругаться к председателю колхоза, чтобы тот, взрослый человек, соображал, что хотя мальчишки и выполняют мужскую работу, но они еще совсем дети. И нечего их травить и спаивать. И если потом мне за работу случалось получать оплату в нашей «национальной валюте», то я ее отдавал маме, а она уже меняла на продукты.

Как мы едим яйца

В нашей тяжелой работе нельзя жить без чувства юмора. Мы всегда были готовы подшучивать друг над другом. Всем известна история, как Ю.А.Гагарин подшутил над нашим коллегой, когда тот только купил «Волгу» – ГАЗ-21, а он организовал ребят, чтобы ее спрятать, а потом, как ни в чем не бывало, пошел поздравлять хозяина с покупкой и попросил показать машину. Сами представляете, что было с хозяином. Но космонавты должны иметь крепкую нервную систему.

Мы как-то в столовой подшутили над моим напарником – Севастьяновым Виталием Ивановичем. Подготовка проходила в Звездном городке. Поэтому все экипажи должны были прибыть в летную столовую на завтрак к 8 утра, а потом разойтись на подготовку. Виталий Иванович жил в Москве, поэтому он частенько опаздывал к завтраку. А у него была такая поговорка: «Как мы едим яйца?» С этими словами он брал яйца, которые нам подавали к завтраку, высоко поднимал над столом, отпускал в «свободный полет», а затем очищал и ел. И вот однажды, зная его привычку, мы ему заменили вареное яйцо сырым.

И как всегда: распахиваются двери, в столовую вихрем влетает Виталий Иванович Севастьянов, а он всегда был очень порывистым и быстрым в движении, подбегает к своему столу, берет яйцо, произносит свой знаменитый текст и одновременно бросает об стол яйцо и... вся столовая грохнула от хохота. Надо отдать ему должное, что сам Виталий Иванович хохотал и веселился громче всех.

«Как хорошо быть генералом!»

Первый командир нашего отряда Никерясов Николай Федорович, позднее – замполит ЦПК, был очень веселый и доброжелательный человек.

У нас с ним сложились вполне дружеские отношения. В Звездном городке мы стали соседями по лестничной клетке, поэтому он частенько к нам заходил в гости. Сам он был очень представительный мужчина, крупный, грузный, высокий и обладал низким голосом, почти басом.

У него была такая манера – он звонил в дверь долго и громко, потом сразу входил и голосом Юрия Левитана, причем очень по-

хоже, объявлял: «Приветствую Героя Советского Союза полковника Губарева Алексея Александровича!» А я на тот момент был только подполковником в отряде космонавтов, но еще не слетал. И это еще порядком растянулось во времени – больше, чем на 10 лет.

Сначала мне даже как-то было не по себе от этого. Но вот случился мой первый полет в 1975 году. Николай Федорович продолжал, приходя ко мне, приветствовать в этой свойственной ему манере, но изменив немного текст «здравницы»: «Категорически приветствую дважды Героя Советского Союза полковника Губарева Алексея Александровича!»

Тут мое отношение к его приветствиям уже поменялось. Я, конечно, смеялся, но не скрою, что было приятно это слышать. В 1978 году я стартую второй раз в космос, и все, что говорил мне в приветствии Никерясов Николай Федорович, становится реальностью.

После второго полета я продолжил работу в отряде еще какое-то время. Мне стало даже интересно, что же Николай Федорович в этот раз придумает. А он теперь говорил: «Приветствую дважды Героя Советского Союза, Героя Чехословацкой Социалистической Республики, генерал-майора Губарева Алексея Александровича!»

И вот ведь что примечательно – он оказался прав, все-таки я получил генерала, можно сказать с его легкой руки и громкого голоса. Его «предсказания» сбылись, не сразу, но сбылись.

Вот так я и получил все звания, которыми так щедро меня «награждал» мой сосед, наш замечательный замполит ЦПК им Ю.А.Гагарина Никерясов Николай Федорович.

Реклама – двигатель торговли

Сейчас все заполнено сплошь и рядом рекламой, кажется, если включить утюг, тот сам себя начнет рекламировать. Известные спортсмены, артисты рекламируют все, начиная от мебели, часов, автомобилей, лекарств до продуктов питания.

Так вот, мы тоже, с Георгием Михайловичем еще в 1975 году внесли свою лепту в рекламный бизнес. Это только принято считать, что реклама появилась в постперестроечное время. Мы с собой на борт брали несколько часов различных наших советских марок и во время телевизионных репортажей должны были или показать их крупным планом, или как-то произнести марку, в об-

щем – обозначить. Репортажей у нас было много, почти каждый день по 1–2 минуты мы о чем-нибудь рассказывали жителям планеты, нам за это, кстати, платили. Когда мы вернулись на землю, то нас ждала пачка почтовых переводов-гонораров за наши космические репортажи, что было, впрочем, приятной неожиданностью. За саму рекламу нам платили натурой – часами.

Но вот однажды, не помню уже в какой связи, что-то мы ели на орбите и при этом вели свой репортаж. И Жора невзначай упомянул, что мы едим только молдавский кетчуп, что он самый вкусный и самый натуральный. После приземления нас с Георгием ждал грандиозный сюрприз: в знак благодарности молдавская фирма-производитель прислала нам аж 5! ящиков этого кетчупа, ведь после этого репортажа у нее резко возросли продажи, и она даже заключила несколько международных контрактов на поставку кетчупа за границу. Мы, конечно, не думали, что за границей с таким вниманием относятся к нашим репортажам. А этот кетчуп запомнили надолго, да и не только мы, но и все наши друзья и знакомые, которых мы щедро им одаривали.

То здесь, то там: «Ку-ку, ку-ку!»

Однажды нас с супругой не было дома – мы уезжали на одно из выступлений в Москву, а это было в период подготовки ко второму полету с Владимиром Ремekom в 1977 году. Как я уже говорил, он был своим человеком в нашей семье, поэтому мы с ним договорились, что он придет к нам домой и там подождет моего возвращения из Москвы, мы поужинаем и потом немного позанимаемся дополнительно.

И вот мы с женой вернулись и видим, что ботинки Ремeka стоят, значит – он дома с ребятами, с моими детьми. Мы слышим смех из гостиной и понимаем – они там чем-то заняты. Когда я разделся и прошел в комнату, то моим глазам предстала такая картина: за большим столом восседали моя дочь Ольга, ее подруга Лена Жолобова, мой сын Владимир, а Ремeka нигде не было видно. На столе лежала колода карт. И вдруг я слышу, откуда-то из-под стола голос: «Ку-ку! Ку-ку! Уже хватит?» Мои «гвардейцы» сидят, хохочут, Ремек поднимается и говорит:

- Здравствуйте, Алексей Александрович!
- Я его и спрашиваю:
- Что же ты там делал?

– А он мне в ответ, на полном серьезе:
– Куковал. Я проиграл на «ку-ку» в «дурака» – вот теперь кукую.

Оказалось, что когда Владимир Ремек пришел, ребята уже сидели и играли на «ку-ку» в «дурака» на троих. Мои дети были «асами» в этой игре, ведь оттачивали мастерство с детских лет, играя с бабушками. Они нашли слабое звено – Лену, обучили ее правилам и стали играть. Но когда пришел Ремек, то они предложили и ему присоединиться и уже играть «пара на пару». Естественно, мои дети объединились в пару друг с другом, а Лену соединили в паре с Ремekom, и силы оказались неравными. По-быстрому объяснив ему правила, приступили к игре. И, что вполне естественно, всегда оказывались победителями, а Ремек с Леной – постоянно «куковали» по очереди под столом. Вот именно в этот момент мы их и застали, в самый разгар игры. Мне было несколько неудобно, что мой коллега, космонавт, иностранец сидит на полу и кукует, о чем я ребятам и сказал.

Правда, Володя Ремек заступился за своих «партнеров»-картежников, сказал, что сам захотел поиграть, а игра есть игра, договор надо выполнять и соблюдать условия, что он не в претензии, а даже очень весело провел время в ожидании моего приезда. И в свою очередь будет совершенствовать свое мастерство игры в «дурака». На что я честно ему сказал, что игра поэтому так и называется «дурак», чтобы «надуть» партнера, а ты играл с «жуликами» и «мухлевщиками», т. к. мои дети давно «сыгрались» и разработали систему сигналов, которую неискушенный игрок и не заметит. И если будешь с ними играть, то постоянно будешь «куковать».

Деревенский бизнесмен

Случился в моей биографии такой эпизод. Я начал работать, как только пошел в школу – с восьми лет. Это было связано с тем, что наша семья жила очень бедно, а детский сад был бесплатным, нас там хорошо кормили, поэтому в первый класс я отправился на год позже остальных ребят. Для моей мамы моё пребывание в детском саду лишний год было каким-никаким подспорьем. Но я всегда помогал по дому и по хозяйству, ухаживал за скотиной, колол дрова, пас скот. Однажды, когда я был еще

совсем ребенком, лет одиннадцати, моя крестная попросила вспахать ей огород. А в деревне огороды были не маленькие – около 100 соток. Я запряг в плуг лошадь, которую выделил совхоз, и начал пахать. Эта работа тяжелая даже для физически крепкого мужчины, не то что для мальчишки: нужно было и заносить плуг, а иногда нажимать на него, и лошадью управлять. В общем, закончив пахоту, я просто рухнул от усталости и изнеможения рядом с этим плугом. Но я, несмотря на свой возраст, считал, что я единственный мужчина в семье, поэтому должен помогать матери во всем. Я ездил в город торговать картошкой, помогал наколоть дров за плату, если кому-то надо было. И все эти свои детские заработки честно отдавал маме.

Но у меня был еще один мой маленький «бизнес», интеллектуальный, заработки от которого, как я полагал, могу оставлять себе. Я всегда хорошо успевал по математике. А в классе вместе со мной училась девочка, которой учеба, особенно точные науки, не давались никак. Она как-то ко мне пришла с предложением, чтобы я за нее делал математику, а она мне за это будет немного платить. На этом ударили по рукам. И наш совместный бизнес процветал некоторое время: я решаю, она сдает, ее родители счастливы – единственная дочь хорошо успевает, а я получаю честно заработанные рублики, иногда – трешки, трачу их в буфете на конфеты «подушечки». Правда, ни ее родители, ни моя мама не были посвящены в наш бизнес, и деньги девочка потихоньку таскала из дома.

И все бы шло так и дальше ровно и гладко, если бы не произошел «несчастный случай». Девочка, по нашим деревенским понятиям, была из зажиточной семьи, оба родителя работали, у них был свой дом. Но в один прекрасный день дома не оказалось мелких денег, и она притащила мне двадцать пять рублей одной купюрой, что уже было достаточно крупной суммой. Она профинансировала «сделку» вперед предоплатой. Я, недолго думая, пошел с этой «бумажкой» в буфет, накупив на рубль себе конфет, а сдачу спрятал.

А в это время по деревне уже пошел шум: мать девочки обнаружила пропажу и заявила, что их обворовали. Буфетчица подошла к моей маме и сказала, что я как раз покупал конфеты и принес бумажку в 25 рублей. Мама сразу сообразила, что здесь что-то нечисто, но прикрыла меня, сказав, что это она мне сама дала на конфеты за хорошую учебу, и поспешила домой. Я уже

спал. Она меня разбудила и спросила о том, где я взял деньги. Так как никакого криминала я за собой не чувствовал, то маме чисто-сердечно признался, что «подрабатываю» интеллектуальным трудом. Она взяла оставшуюся сдачу, доложила недостачу и отправилась к родителям девочки возвращать деньги. Не знаю, о чем они там говорили, но бизнес наш «накрылся». И девочка вновь съехала на «тройки».

Вот такой эпизод из моего детства. Но я тем не менее остался при своем мнении, что интеллектуальный труд, как и любой другой, должен оплачиваться. И уже сам «доплачивал на конфеты» своей племяннице за то, что она мне «диктовала диктанты», когда я готовился к поступлению в училище. А деньги на это и на оплату обучения в старших классах зарабатывал сугубо физическим трудом: ходил ночью на станцию Крюково разгружать вагоны.

СПОРТ И КОСМОС

Спортом я начал по-настоящему заниматься с детства, когда мы переехали из Гвардейцев в Борское. Там рядом с нашим домом было военное училище. А где воинские части или училища – там соответственно и спортивные площадки, тренажеры и перекладины. И там я, еще мальчишка, пристрастился к спорту: научился играть в футбол, волейбол.

Когда мы с семьей вернулись в Подмоскovie после войны, в 1946 году, то я себе оборудовал самостоятельно «тренажеры» в сарае. Я сделал боксерскую «грушу»: подвесил мешок, положил в него колеса от трактора, засыпав их опилками, и тренировался. Приделал себе перекладину, как говорят «турник», и подтягивался, соорудил себе «штангу» из тех же колес от трактора. Недалеко была лесопилка, так мы, с моим двоюродным братом Валентином Губаревым, ходили туда и в мягких опилках занимались гимнастикой и акробатикой, прыгали и крутили сальто. Я в совхозе Чашниково отвечал за физическую подготовку молодежи, самостоятельно взяв на себя это на общественных началах. Естественно, никто меня не назначал и не уполномочивал, но я организовал футбольную команду, волейбольную команду, устраивал соревнования между молодежью своей деревни и соседних населенных пунктов. Мы даже с моей женой познакомились на волейбольной площадке, когда она пришла за нас «поболеть», приехав из Москвы к родственникам на каникулы. К сожалению, после моего ухода в училище это спортивное движение постепенно сошло на нет, как-то затухло.

А со спортом я, естественно, мужал: становился крепче и выносливее. В 1946 году после окончания войны из Чехословакии вернулась уже с мужем моя сестра Шура, в девичестве Губарева Александра Александровна.

Позволю себе небольшое лирическое отступление. Моя сестра и ее муж, Петр Гаврилович Налетов, были участниками Ве-

ликой Отечественной войны и закончили «свою» войну в Праге, в освобождении которой они принимали участие, так сказать, ту «Пражскую весну 1945 года» они встретили как освободители Чехословакии от фашизма. Там и поженились. Мне потом было очень приятно, что я полетел в космос именно с чехословацким космонавтом, т. к. с историей его страны нас связывали и такие приятные события: мои родственники принимали непосредственное участие в освобождении не только моей, но и его Родины.

Когда мы ждали возвращения сестры с мужем, моя мама почему-то постоянно причитала: «Хоть бы не шахтер, хоть бы не шахтер был муж у Шуры».

Мы никак не могли понять, почему именно шахтер ее и не устраивает? Чем ей так не угодили шахтеры? Но все оказалось именно так, как чувствовало материнское сердце. Петр Гаврилович оказался именно «шахтером», а вернее – актером по образованию, чего так боялась мама. Он был москвичом: высокий, спортивный, красивый, бравый солдат-победитель, фронтовик, прекрасно пел и декламировал стихи. Но в то послевоенное время, когда страна восстанавливалась, актеры не очень были востребованы, и Шура с Петром Гавриловичем пошли на курсы машинистов метрополитена, прошли обучение и проработали всю жизнь до пенсии на Арбатско-Покровской линии. А «шахтер» нас радовал своим талантом уже только в узком семейном кругу.

Итак, когда они прибыли, он, фронтовик-герой, и я, пятнадцатилетний мальчишка, стали бороться. Естественно, он свернул меня в бараний рог. Сказывалась, безусловно, и разница в возрасте – Петр Гаврилович был старше меня почти в два раза. Проходят года два, я усиленно занимаюсь на своих «тренажерах», у меня есть цель – побороть Петра Гавриловича. И вот в 1948 году наступил и мой звездный час, я уже за эти два года основательно накачал мышцы, возмужал, прибавил в росте и весе, и мы снова с ним стали бороться. Тут уже победа оказалась на моей стороне – я «положил» его на обе лопатки, и мы в дальнейшем никогда не выясняли, кто из нас физически сильнее. Он безоговорочно после этого случая признал первенство и лидерство за мной, больше мы уже не мерились силой.

Спорт сопровождал и сопровождает меня всю жизнь. Спорт для меня – это не занятие, а стиль жизни. Я привык свой день начинать с физзарядки. Физическая подготовка для летчика, тем более для космонавта, – это 50% его успеха в подготовке к полету. И в

Центре подготовки космонавтов этому уделялось и уделяется много времени. Ну а на орбите, как я уже говорил, это обязательно: и беговая дорожка, и велотренажер.

Так в свое время случилось, что я вынужден был оставить занятия футболом и волейболом, немного повредил мениск, и уже не мог целиком и полностью отдаваться этим видам спорта – врачи запретили нагрузки на колени. И немного поразмыслив, в 1970 году, в 39 лет я начал заниматься теннисом. Меня очень увлекла и захватила эта игра, я стал просто фанатом и играл вплоть до 76 лет, пока не сделал операцию по замене сустава, а врачи категорически запретили мне выходить на корт.

Но теннис остался моей любовью на всю жизнь. Я состоял и состою почетным членом клуба, который базируется недалеко от моей дачи, в доме отдыха «Солонцово» Московской области, а возглавляет этот клуб мой друг, Владимир Иосифович Солонцов. Мы много выезжали на различные соревнования и турниры «Большая шляпа» по всей стране, от Тольятти до Тюмени. Членами клуба являются люди разных профессий, но нас объединила наша любовь к этому виду спорта: певцов из группы «Доктор Ватсон», врачей, бизнесменов, ученых, экс-президента нашего Олимпийского комитета Л.Тягачева и многих других.

Во время моей работы на должности заместителя начальника ГКНИИ ВВС я добился строительства крытого корта, чтобы офицеры могли заниматься спортом, теннисом не только летом, но и зимой. Кроме того, я был активным участником всех состязаний и соревнований среди космонавтов. Причем, без поправки на возрастную категорию, даже выигрывал у более молодых, и практически уже перед тем, как закончить «теннисную карьеру», я уступил в парной игре Сергею Крикалеву с партнером. Тогда мы играли в паре с Сергеем Залетиным. Каждый из них практически в два раза моложе меня и годится мне в сыновья. Мы с С. Залетиним в тот раз, к сожалению, проиграли финал и заняли второе почетное место, хотя, полагаю, это тоже был не плохой результат для 76-летнего игрока.

Из спортивных упражнений сейчас осталась ежедневная утренняя дыхательная гимнастика и легкая физкультура в сочетании с плаванием, я регулярно, три раза в неделю, хожу в бассейн.

КОРОТКО О ГЛАВНОМ И НЕМНОГО О ВАЖНОМ

Из интервью в журнале «Техника молодежи», 1980

«Несомненно, уже в самое ближайшее время, думаю, к началу XXI века, человечество сможет основать первые космические колонии. Причем не на планетах, где люди были бы вынуждены находиться буквально в невыносимых условиях (например, температура на поверхности Венеры достигает 500° жары, давление же 100 атм), а скорее всего в открытом космосе. Они будут иметь вид огромных космических кораблей, рассчитанных на 300, 500 или даже 1000 человек, с искусственной силой тяжести, со своим собственным растительным и животным миром.

Если такой космический город сделать временным спутником какой-нибудь планеты, то космонавты легко смогут развернуть на ее поверхности настоящий завод-автомат. Потом корабль-колония улетит к другому небесному телу, а с «посещенной» планеты вереницей потянутся к Земле корабли-«посылки» с теми бесценными ископаемыми, которые стали большой редкостью в недрах «колыбели разума».

Взять хотя бы нашу соседку Луну. Анализ ее пород из различных мест позволил сделать вывод, что они сильно отличаются от земных минералов. В образцах оказалось много кальция, алюминия, титана, магния, кремния, то есть элементов, крайне необходимых уже и сейчас.

С помощью радиолокационной техники на Луне выявлены также многочисленные «горячие» пятна. Расположены они, как правило, внутри кратеров; их температура на 40–50° С выше окружающей местности. Это дает возможность предположить, что на Луне присутствуют такие радиоактивные элементы, как торий и уран. Я думаю, излишне говорить о значении этого открытия.

Наших потомков наверняка порадует и Марс. По последним данным, на красной планете много магния (почти в 10 раз больше, чем на Земле), кремния, кальция, титана, железа и серы.

Кое-кто может спросить: а откуда космические колонии и заводы-автоматы возьмут энергию?

Ответ прост: ее даст Солнце.

Уже сейчас существуют проекты, по которым искусственный спутник, «висящий» на стационарной орбите над планетой, будет преобразовывать солнечную энергию в электрическую и передавать ее в виде электромагнитного луча сверхвысокой частоты на приемные планетные станции. Предполагаемая мощность одной орбитальной электростанции от 3 до 15 тыс. МВт.

Что касается космических колоний, то они, помимо солнечной, станут потреблять и энергию термоядерного синтеза. Очевидно, «летающие города» будут оснащены плазменными двигателями, которые обладают важным преимуществом – из-за очень высоких скоростей истечения у них расход рабочего тела в 20–50 раз меньше, чем у обычного реактивного двигателя той же тяги. Экспериментально это уже подтверждено космической станцией «Зонд-2», где успешно опробованы подобные двигатели для ориентации летательного аппарата в космосе...

Согласно оценке зарубежных специалистов космическая промышленность уже через несколько десятилетий будет вырабатывать продукции на сумму около 20 млрд долларов.

Дело, как говорится, только за нами: учеными, инженерами, рабочими, космонавтами».

Я и сейчас готов подписаться под каждым своим словом. Вот только немного со временем не угадал, видимо, не в начале, а в конце XXI и начале XXII века человечество сможет основать свои колонии...

И немного из области фантастики

«Что касается инопланетян, то лично я верю в их существование.

Американские ученые зарегистрировали сигнал определенной частоты и направления, пришедший из космоса. Существует предположение, что он получен от иной цивилизации. И в самом деле, диаграмма сигнала говорит о его искусственном происхождении. К сожалению, американцам не удалось зафиксировать повторного

сигнала. Ведь тогда о его природе можно было бы судить с куда большей определенностью. Но все-таки оптимисты воспрянули духом.

При освоении космоса картина, видимо, будет такой: как показывают расчеты, девять цивилизаций из любых десяти существующих превосходят нас по развитию. Я не хочу проводить прямолинейных аналогий, скажу лишь, что благодаря освоению космоса и встречам с братьями по разуму наши наука и техника смогут совершить качественный скачок вперед. Думается, «Великое кольцо» – сообщество цивилизаций Галактики, о котором мечтал Иван Антонович Ефремов, не столь уж фантастично».

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

В качестве заключения от автора

Дорогие друзья! В данной книге я рассказал лишь о тех немногих эпизодах моей жизни, которые со мной происходили на разных ее этапах. Не всё, но я бы даже сказал, многое осталось за рамками этих воспоминаний.

Но я и не ставил своей задачей пересказать всю жизнь – от начала и до конца. Об этом была уже написана автобиографическая книга «Орбита жизни». Я хотел рассказать о тех эпизодах, которые не входили в ранее изданные книги, но могут сейчас, по прошествии времени, представлять интерес для читателей уже нового, молодого поколения, перед которыми жизнь только раскрывается во всей своей многогранности, с ее взлетами и падениями, с ее радостями и горестями, когда ты еще молод и вся жизнь у тебя впереди. И чтобы они, которые пришли уже после нас, не боялись трудностей и научились их преодолевать, никогда не теряли надежды и верили в себя и свои силы.

Если бы меня спросили сейчас, хочу ли я что-то изменить в своей жизни, если бы мне представилась такая возможность, то с высоты моих уже прожитых почти полных 80 лет я отвечу, что «нет». Конечно, жаль, что я так рано потерял отца, жаль, что детство пришлось на такую тяжелую военную пору. Возможно, если бы не труд с детских лет и ответственность за семью, где я оказался единственным «мужиком», если бы не эти испытания, выпавшие на мою долю и на всю нашу страну в целом, я бы не сформировался в того, кем я стал. Только преодолевая трудности, человек закаляет характер. Полагаю, что он даже приобретает некоторые качества, которые были бы ему не свойственны в обычной мирной и спокойной жизни. Трудности – это определенный стимул к жизни, сталь тоже закаляют, чтобы она была крепче.

Я очень счастлив, что, несмотря на все жизненные невзгоды, которые встречались на моем пути, я смог своим трудом принести пользу своей стране, Советскому Союзу, и внести свой посильный вклад в освоение Космоса.

Часто нас, космонавтов, спрашивают о том, верим ли мы в Бога? У меня нет однозначного ответа. Естественно, меня окрестили еще в детстве. Я родился в православной семье, моя мать, Ефимия Ивановна Губарева, была истинно русской женщиной, которая всю свою жизнь прожила с верой в Бога и в соответствии со всеми христианскими заповедями – «не убий», «не укради» и т.д. Иными словами, она жила честно и по-людски, по совести, не делая никому зла, лишь только добро, смиренно несла свою нелегкую ношу и не роптала. И меня она так воспитывала. Но не словами, а делами, всей своей жизнью, тяжелой, но честной. Она одна растила нас четверых, всегда работала до изнеможения. Я и в армию, то есть в училище, поступил, чтобы помогать матери и своим сестрам, чтобы быстрее встать на ноги и содержать семью. Я очень любил свою маму, которая, можно сказать, дважды дала мне жизнь. Первый раз – родив на этот свет, второй, в том далеком 1941 под Москвой, когда мы, пытаясь добыть себе немного картошки в своем доме, который был занят оккупантами, попали под фашистский огонь. Она почти час лежала на мерзлом холодном снегу, закрыв меня, десятилетнего мальчишку, своим телом, и прижимала к земле. К сожалению, мама немного не дожидая до моего первого полета, но я точно знаю, что там, далеко в Космосе, ее душа всегда смотрит на меня, молится, охраняет и бережет. Много было случаев, когда я мог погибнуть, но мой ангел-хранитель всегда оказывался рядом. Оттого, что Бога я не видел, я не говорю, что его нет, но и не утверждаю и обратного. Хочется верить, что все-таки что-то есть в той, другой, скрытой от нас жизни, в далеких мирах и галактиках, и мы встретимся со своими родными, любимыми и друзьями, которые уже, к сожалению, оставили наш бранный мир. И твердо знаю, что на этой Земле, вне зависимости от того, верите ли вы в Бога или нет, тоже надо жить по-человечески, честно, по совести, без подлости.

Я бесконечно благодарен судьбе, которая послала мне мою супругу, мою Надежду, мою любовь, моего друга, мою опору и поддержку, и которая, к сожалению, меня оставила после тя-

желой и продолжительной болезни, с которой она мужественно сражалась четыре года. Мы рука об руку шли вместе по этой жизни в радости и горе, в счастье и печали 56 лет. Выйдя замуж за лейтенанта, везде с детьми следуя за ним, она «служила» по всем гарнизонам, куда бы нас ни забрасывала судьба: от Тихоокеанского до Черноморского флотов, от Китая и Дальнего Востока до Крыма. Надежда была прекрасной матерью, надежным и верным товарищем, любящей и преданной женой, у меня всегда был «прикрыт тыл». Это во многом способствовало тому, что я мог целиком и полностью, со спокойной душой отдаваться делу всей своей жизни – сначала летной работе, а потом – космонавтике. Будучи не только очень красивой и обаятельной женщиной, она обладала особым талантом выстраивать отношения практически со всеми людьми, с которыми нас сводила жизнь, у нее были недожженные организаторские способности, она обладала гибким умом дипломата.

Я часто вспоминаю, к сожалению, тоже уже ушедших, моих верных друзей Николая Зырянова и Женю Митичкина. С Николаем мы пронесли и сохранили дружбу с самого детства, с Женей – с училища.

Мне повезло в том, что, будучи уже в отряде, я и там обрел новых друзей, с которыми мы идем рука об руку уже более 48 лет: это Владимир Александрович Шаталов и Анатолий Васильевич Филипченко. И они, мои друзья, всегда подставляли в трудную минуту мне свое плечо: друг познается в беде. В минуты счастья и славы, когда ты известен, у тебя все хорошо, не трудно дружить, а дружба проверяется не только годами, но и испытаниями, которые настоящий друг тебе помогает преодолевать, который радуется вместе с тобой и вместе горюет.

Я рад, что судьба мне подарила много встреч с интересными людьми: с военачальниками, учеными в различных областях науки и техники, с конструкторами, с художниками и писателями, с врачами и учителями, с моими коллегами-космонавтами и многими другими. Мне очень приятно, что часто эти контакты и встречи выходили за пределы официальных отношений, перерастая почти в дружески-приятельские.

Говорят, что настоящий мужчина должен за свою жизнь посадить дерево, вырастить сына и построить дом. Могу утверждать без ложной скромности, что все это я осуществил, даже с лихвой.

Я вырастил не только сына, но и дочь, я посадил не одно дерево, а целый сад, я выстроил не только дом на Земле, но и «космический», у меня двое взрослых внуков – Алексей и Андрей.

Хотел бы я что-то изменить в своей судьбе?

Оглядываясь на прошлое, могу с уверенностью сказать: мне нечего стыдиться, мне есть чем гордиться, мне есть о чем вспомнить, мне есть с кем дружить, мне есть кому передать свой жизненный опыт.

А.Губарев

P.S. К сожалению, в рамках данной книги я не смог упомянуть всех, с кем пересекалась моя дорога жизни, но я вас всех помню и люблю. Я благодарен вам за то, что вы были и есть в моей жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биография А.А.Губарева

Губарев Алексей Александрович (Aleksei Gubarev) (р. 1931) – летчик-космонавт СССР, кандидат технических наук, генерал-майор авиации (03.11.1983), с 21.06.1988 года – в запасе, заслуженный мастер спорта СССР, дважды Герой Советского Союза (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля 1975 года и 16 марта 1978 года). Губарев родился 29 марта 1931 года в селе Гвардейцы Борского района Куйбышевской области, РСФСР. В 1950 году окончил среднюю школу в Крюково Химкинского района Московской области. В 1950 году поступил в Морское авиационное училище техников, но затем добился перевода в Военно-морское минно-торпедное авиационное училище летчиков. В 1952 году окончил Военно-морское минно-торпедное авиационное училище летчиков (г. Николаев).

Со 2 декабря 1952 года служил летчиком, с 17 марта 1953 года – старшим летчиком 1540-го минно-торпедного авиаполка (в 1955 году переименован в 928-й полк) 598-й минно-торпедной авиадивизии (в 1955 году переименована в 130-ю дивизию). До мая 1955 года служил в составе советских частей в Китае, летал на самолете Ил-28. Участвовал в подготовке к боевым действиям в Корее. С 12 января 1956 года служил командиром звена 5-го минно-торпедного авиаполка 130-й дивизии ВВС Тихоокеанского флота. С 14 февраля 1956 года служил командиром звена 926-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка 13-й минно-торпедной авиадивизии ВВС. Прошел подготовку в Центре переподготовки летчиков морской авиации в городе Николаев на Черном море, освоил пилотирование Ту-16. С 22 сентября 1961 года служил командиром эскадрильи самолетов Ил-28 855-го отдельного минно-торпедного авиаполка авиации Черноморского флота. В 1961 году окончил Военно-воздушную академию (ВВА).

В феврале 1962 года подал рапорт с просьбой направить его в отряд космонавтов. В 1962 году прошел медицинское обследование в Центральном военном научно-исследовательском авиационном госпитале (ЦВНИАГ) и получил допуск Центральной врачебно-лётной комиссии (ЦВЛК). 8 января 1963 года на заседании мандатной комиссии был рекомендован к зачислению в отряд космонавтов. Приказом Главкома ВВС №14 от 10 января 1963 года был зачислен в ЦПК в качестве слушателя-космонавта. С января 1963 по январь 1965 года проходил общекосмическую подготовку (ОКП). 13 января 1965 года после сдачи экзаменов по ОКП получил квалификацию «космонавт ВВС». 23 января 1965 года был назначен на должность космонавта 2-го отряда (военные космические программы).

С сентября 1966 по январь 1968 года проходил подготовку в составе группы космонавтов по программе полетов на военно-исследовательском корабле «Союз-ВИ» (7К-ВИ, «Звезда»). Прошел подготовку на макете военно-исследовательского корабля и на динамическом стенде в ЦПК. С 1969 по февраль 1971 года проходил подготовку по программе «Контакт» в качестве командира КК «Союз» сначала в составе группы, а с ноября 1969 по май 1970 года – вместе с Владимиром Фартушным. С 12 февраля по 16 марта 1971 года проходил подготовку по программе полета на ДОС-1 «Салют» в качестве командира четвертого (резервного) экипажа. С мая по 2 июня 1971 проходил подготовку по программе полета на ДОС-1 «Салют» в качестве командира третьего (резервного) экипажа с В.Севастьяновым и А.Вороновым.

С 6 по 30 июня 1971 года проходил подготовку по программе второго полета на ДОС-1 «Салют» в качестве командира второго (дублирующего) экипажа с Виталием Севастьяновым и Анатолием Вороновым. После гибели экипажа «Союза-11» следующий полет на ДОС «Салют» был отменен, а в августе экипажи были расформированы. С 10 октября 1971 по июль 1972 года проходил подготовку по программе полета на ДОС-2 в качестве командира третьего экипажа, вместе с Г.Гречко. Полеты на ДОС-2 были отменены, так как орбитальная станция не вышла на орбиту из-за аварии РН «Протон-К» 29 июля 1972 года. С 25 октября 1972 по апрель 1973 года проходил подготовку по программе полета на ДОС-3 «Салют» в качестве командира третьего (резервного) экипажа, вместе с Г.Гречко. Полет отменен из-за аварии на орбите в мае 1973 года станции «Салют»

(получившей в открытой печати наименование «Космос-557»).

С июля по сентябрь 1973 года проходил подготовку к полету по программе автономного испытательного полета КК «Союз» в качестве командира дублирующего экипажа, вместе с Г.Гречко. Во время старта КК «Союз-12» 27 сентября 1973 года был дублером командира корабля. С 10 декабря 1973 по 31 мая 1974 года проходил подготовку в качестве командира основного экипажа для полета на ДОС-4 «Салют-4», вместе с Г.Гречко. С июня по декабрь 1974 года проходил подготовку в том же экипаже в режиме поддержания готовности.

Первый полет с 11 января по 9 февраля 1975 года совершил в качестве командира КК «Союз-17» и первой основной экспедиции (ЭО-1) на ДОС-4 «Салют-4», вместе с Г.Гречко. Продолжительность полета составила 29 суток 13 часов 19 минут 45 секунд.

С декабря 1976 по февраль 1978 года проходил подготовку в качестве командира основного экипажа посещения ДОС-5 «Салют-6» по программе «Интеркосмос», вместе с В. Ремеком (ЧССР).

Второй полет со 2 по 10 марта 1978 года совершил в качестве командира экипажа КК «Союз-28» и советско-чехословацкой экспедиции посещения ДОС «Салют-6», вместе с В.Ремеком. Продолжительность полета составила 7 суток 22 часа 15 минут.

С 1 сентября 1981 года служил заместителем начальника ГКНИИ ВВС. 21 июня 1988 года приказом МО СССР № 581 был уволен из Вооруженных Сил по болезни. 29 июня 1982 года защитил диссертацию и получил степень кандидата технических наук.

После увольнения из ВС работал заместителем директора предприятия «Щелково-автотранс» в городе Щелково Московской области. С 1998 года – на пенсии.

Награжден двумя медалями «Золотая Звезда» и двумя орденами Ленина (12.02.1975 и 16.03.1978), медалью «За освоение целинных земель» (1974) и 9-ю юбилейными медалями. Награжден также медалью «Золотая Звезда» Героя ЧССР и орденом Клемента Готвальда (ЧССР, март 1978), медалью китайско-советской дружбы (1955), медалями «Братство по оружию» I степени (ЧССР и ГДР). Именем Алексея Губарева названа малая планета №2544.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СТАТЬИ И.ДВОРОВСКИХ

«Одиссеи космические и земные» в журнале «Русский дом», январь 2009 год

Из интервью А.А.Губарева журналу «Русский дом»

В Культурном центре при Посольстве Чехии в Москве был организован небольшой праздник, который прошел скромно и уютно. Встречались космонавты разных стран. По-разному складывались судьбы участников полетов международных экипажей. И приятно было видеть их искренние дружеские отношения.

Небольшому праздничному мероприятию художественным оформлением послужили выставки картин. Один из представленных там художников нам хорошо известен – это летчик-космонавт Алексей Леонов. Его выставка называлась «Космические одиссеи».

На одной из картин Алексея Леонова я увидел такой сюжет: церковь на месте гибели первого космонавта Юрия Гагарина (такова была подпись). Но соответствует ли канонам Православия водружение церкви в честь мирянина, никогда не служившего православной вере? – подумалось мне.

А поскольку самого Алексея Архиповича в тот день не было, я решил задать этот вопрос космонавту Алексею Александровичу Губареву.

– Эта церковь существовала с прежних времен, – ответил он, – а Юрий Гагарин погиб недалеко от нее, так случилось. Я всегда верил в Бога, и всегда Он был в моей душе, – добавил он. – На орбите у меня не было ночи, чтобы я, перед тем как уснуть, не вспоминал Бога и не просил Его посетить меня. И я всегда был готов предстать перед Ним.

– И одновременно были коммунистом?

– Да, я был коммунистом, – ответил Алексей Александрович, – но в Бога верил с детства... Это Он спас нас в 1941 году, когда мы оказались в немецкой оккупации.

– А где это было? – спросил я.

– В деревне Чашниково Солнечногорского района, недалеко от Зеленограда. В оккупации мы были всего 15 дней, но пережили такое... Четверо детей с матерью, под бомбежками...

Сначала нас бомбили немцы. А потом, когда немцы погнали нас в своей колонне, мы под наши бомбы попали... Молились и Бога поминали. И только Ему благодарны, что Он спас нашу семью.

– А как я поверил в Бога? – продолжил разговор Алексей Александрович. – Это было, когда немцы пришли в деревню и заняли наш дом, а нас выгнали. Мы поселились в землянке. Хотели однажды с матерью сходить в свой дом, но немецкие «хозяева» нас не пустили. А когда мы пошли обратно, они в нас стали стрелять с крыльца нашего дома. Мы с матерью побежали к лесу. Думали там спастись. Перебежками, зигзагами, упадем встанем, пробежим – заляжем. Так до леса добежали благополучно. И думали, что все худшее закончилось. А в это время наша артиллерия начала палить по немцам. Стреляли издали, оттуда, где сейчас Зеленоград. Ну а когда артиллерия бьет издали, то снаряды ложатся не всегда точно. Иногда отклоняются. Пролетают почти у наших голов, а некоторые и приземляются возле нас. Смотрим, метрах в 50-ти снаряд упал – да мы ж на том месте только что были! И тут такое вокруг нас началось... Мы упали в снег. Я кричу: «Мама, молись Богу – нас не убьют! Молись, я не умею, нас в школе этому не учили!» Вот так три часа лежали. Вокруг нас рвались снаряды, мать молилась – и только чудом живыми остались.

– С того дня, – продолжал космонавт Губарев, — мать напутствовала меня на всю жизнь: «Всегда верь в Бога». И я поверил. И потом, когда стал военным летчиком, летал с верой в Бога. Я ведь готовился воевать в Корее. Это было в 1953 году, мы только начинали осваивать реактивные самолеты. Но повоевать на них в небе над Кореей не успел. В июле 1953 года корейская война закончилась.

– А как второй раз под наши бомбардировки попали? – спросил я.

– Когда немцы отступали, – сказал Алексей Александрович, – они погнали нас, жителей, в своей колонне. Хотели прикрываться нами, как живым щитом, и думали, что тогда наши стрелять по ним не будут. Идем по дороге, куда немцы нас ведут. И тут налетели наши бомбардировщики. Ну а летчик-то с высоты не может раз-

глядеть, кто под ним. Он видит немецкую колонну, которую надо разбомбить и уничтожить. И бомбы на нас посыпались!.. Что там было! Просто ад... Самое пекло. Мы разбегаемся, падаем в снег. Тут и немцы убитые, и наши люди убитые, все вперемешку. Мы всей семьей лежим и Богу молимся. Вот так и живы остались.

– А потом вернулись в Чашниково?

– Нет, в Чашникове домов почти не осталось. Приютились в каком-то доме, потом жили в Химках, потом уехали к родственникам в Самарскую область. А в Чашниково только после войны вернулись. Колхоз помог дом построить и семье выжить.

– Да, Бог меня, конечно, и раньше берег, – вспомнил другую историю Алексей Александрович. – Как-то в сентябре 1941 года поехал в Химки продать на рынке кое-что с огорода. Мы люди были сельские, огородами жили. И вечером, когда возвращался из Химок на поезде, только сел в вагон, отъехать не успели, – воздушный налет. И весь наш поезд немцы разбомбили. В соседний вагон бомба попала, всех людей убило, а наш вагон уцелел. Вот ведь как – я же мог и в том вагоне оказаться, а почему-то сел в другой. Домой уже вести дошли, что поезд наш разбомбили и все люди погибли. Мать меня живым считать перестала. А я ночью домой добрался, стучусь: “Я пришел”. Мать меня встречала как воскресшего из мертвых».

В честь праздничного мероприятия была проведена небольшая пресс-конференция. Вопросы были стандартны, если не сказать примитивны. И мне казалось, что в журналистах много искусственного, бездумно-неискреннего, ненастоящего...

Какая-то женщина, которой предоставили слово, чтобы задать вопрос, начала славить себя: «Вы меня не знаете, но я имела большое отношение ко всем вашим полетам...»

Вот как! Сейчас много таких, стремящихся заявлять о своей значимости.

Владимир Ремек говорил, что за прошедшие годы и космонавтика, и человечество сделали шаг вперед. Что касается космонавтики, с этим можно согласиться. А человечество?

* * *

Пришло время, когда всем нам надо взывать: «Господи, спаси Россию!» И пусть Он услышит нас и поможет, как помогал Алексею Губареву в 1941-м.

ВЛАДИМИР РЕМЕК

Биографическая справка

Владимир Ремек (чеш. *Vladimír Remek*; р. 26 сентября 1948, Ческе-Будеевице) – первый летчик-космонавт Чехословакии, первый человек в космосе, не являющийся гражданином СССР или США; первый европейский космонавт, майор Чехословацкой народной армии (ЧНА). Член Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) с 1968 года, единственный Герой Советского Союза – депутат Европарламента (от Коммунистической партии Чехии и Моравии с 2004 года). Полковник ЧА в отставке.

Мать Владимира Ремека была чешкой по национальности, отец, генерал авиации — словаком. Владимир Ремек, окончив в 1963 году девятилетнюю школу в моравском городе Брно, продолжил учебу в физико-математическом классе средней школы в городе Чаславе, которую окончил с отличием в 1966 году.

В 1966–1970 годах Ремек обучался в высшей офицерской школе в словацком городе Кошице, затем служил в военно-воздушных силах Чехословацкой Социалистической Республики в городе Зволене (см. Слиач – Три Дуба), получил квалификацию летчика 2-го класса. С 1972 года обучался в Военно-воздушной академии им. Ю.А.Гагарина в Москве.

После окончания ВВА им. Ю.А.Гагарина Ремек ненадолго вернулся в военно-воздушные силы Чехословакии, но уже в конце 1976 года его отобрали в группу космонавтов (включавшую также летчиков из ГДР и Польши) по программе «Интеркосмос», в рамках которой СССР сотрудничал с другими государствами. В течение года Ремек прошел ускоренный курс подготовки к полету на космическом корабле типа «Союз» и орбитальной станции «Салют».

С 2 по 10 марта 1978 года Владимир Ремек в качестве космонавта-исследователя совершил космический полет на косми-

ческом корабле «Союз-28», пилотируемом полковником Алексеем Александровичем Губаревым. В ходе полета корабль «Союз-28» состыковался с орбитальной космической станцией «Салют-6», Ремек и Губарев совместно с экипажем станции Юрием Викторовичем Романенко и Георгием Михайловичем Гречко провели ряд совместных технологических и медико-биологических экспериментов, предложенных советскими и чехословацкими учеными. Ремек провел в космосе 7 суток 22 часа 16 минут и 30 секунд. Будучи 87-м по счету космонавтом Земли, он стал первым космонавтом Земли, не представлявшим ни одну из сверхдержав.

В 1979–1985 годах Ремек работал заместителем начальника одного из пражских научно-исследовательских институтов, позже работал в Главном политическом управлении ЧНА и преподавал в Военной академии Генштаба СССР. С 1990 по 1995 год был директором музея авиации и космонавтики в Праге, затем был занят на совместных русско-чешских предприятиях в Нижнем Новгороде и Москве. В 2002–2004 годах работал торговым представителем посольства Чешской Республики в Москве.

С 2004 года Ремек – депутат Европейского парламента от Коммунистической партии Чехии и Моравии, член фракции европейских левых и североевропейских зеленых левых и один из 23 делегатов от Чешской Республики. В Европарламенте работает в комиссии по вопросам промышленности и энергетики, а также по сотрудничеству ЕС с Российской Федерацией. Герой ЧССР (Указ Президента ЧССР от 27 апреля 1978). Награжден орденом Клемента Готвальда (Чехословакия), медалью «За службу Родине» (Чехословакия), орденом Ленина, золотой медалью Чехословацкой академии наук, Герой Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР №11299 от 16 марта 1978) – за проявленные в ходе космического полета мужество и героизм.

Именем Ремека назван астероид 2552 Ремек.

МИРОНЕНКО АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ (1918–1999)

Биографическая справка

Мироненко Александр Алексеевич – Герой Советского Союза (1944), генерал-полковник авиации, морской летчик.

Родился 19 апреля 1918 г. в с. Яхники ныне Лоховицкого р-на Полтавской обл. в семье рабочего, украинец.

В ВМФ с 1937 г. Окончил в 1940 г. Ейское военно-морское авиационное училище.

Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. В годы войны командовал 13-м истребительным Краснознаменным авиа-

полком 9-й штурмовой авиационной дивизии ВВС Балтийского флота.

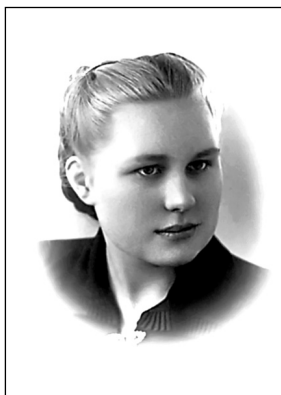
В июне 1944 г. полк был преобразован в 14-й гвардейский истребительный авиационный Краснознаменный полк. Полк под командованием А.А.Мироненко принимал активное участие в освобождении от фашистов Ленинградской области, Прибалтики, отличился в боях за Мемель (Клайпеду), за что ему было присвоено почетное наименование Клайпедский. За период военных действий А.А.Мироненко совершил 687 боевых вылетов, им сбито 16 самолетов противника лично и 5 в групповых воздушных боях. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г. гвардии майору А.А.Мироненко присвоено звание Герой Советского Союза. В послевоенный период продолжал службу в ВМФ.

В 1948 г. окончил командный факультет Военно-морской академии имени К.Е.Ворошилова, в 1969 г. – Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба. Командовал дивизией, корпусом, ВВС Черноморского флота, авиацией ВМФ, был референтом НТК ВМФ. Заслуженный военный летчик СССР, кандидат военно-морских наук.

С 1988 г. – в отставке.

Награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденами Ушакова 2-й степени и Отечественной войны 1-й степени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени, медалями.

Автор монографии о боевом применении авиации ВМФ.
Скончался 11 июля 1999 г. Похоронен в Москве.

Губарева Н.А.
(Михалкина).
Май 1952 г.

Губарев А.А.
Январь 1951 г.

Губарев А.А.
и Губарева Н.А.
Июль 1954 г. –
после свадьбы.

Губарев А.А. с матерью Губаревой Е.И.
Июль 1954 г.

С семьей. 1961 г.

С родственниками (слева направо):
племянница Наталья, Налетов П.Г., племянница Татьяна,
муж сестры жены – Цигвинцев Г.Г. 1969 г.

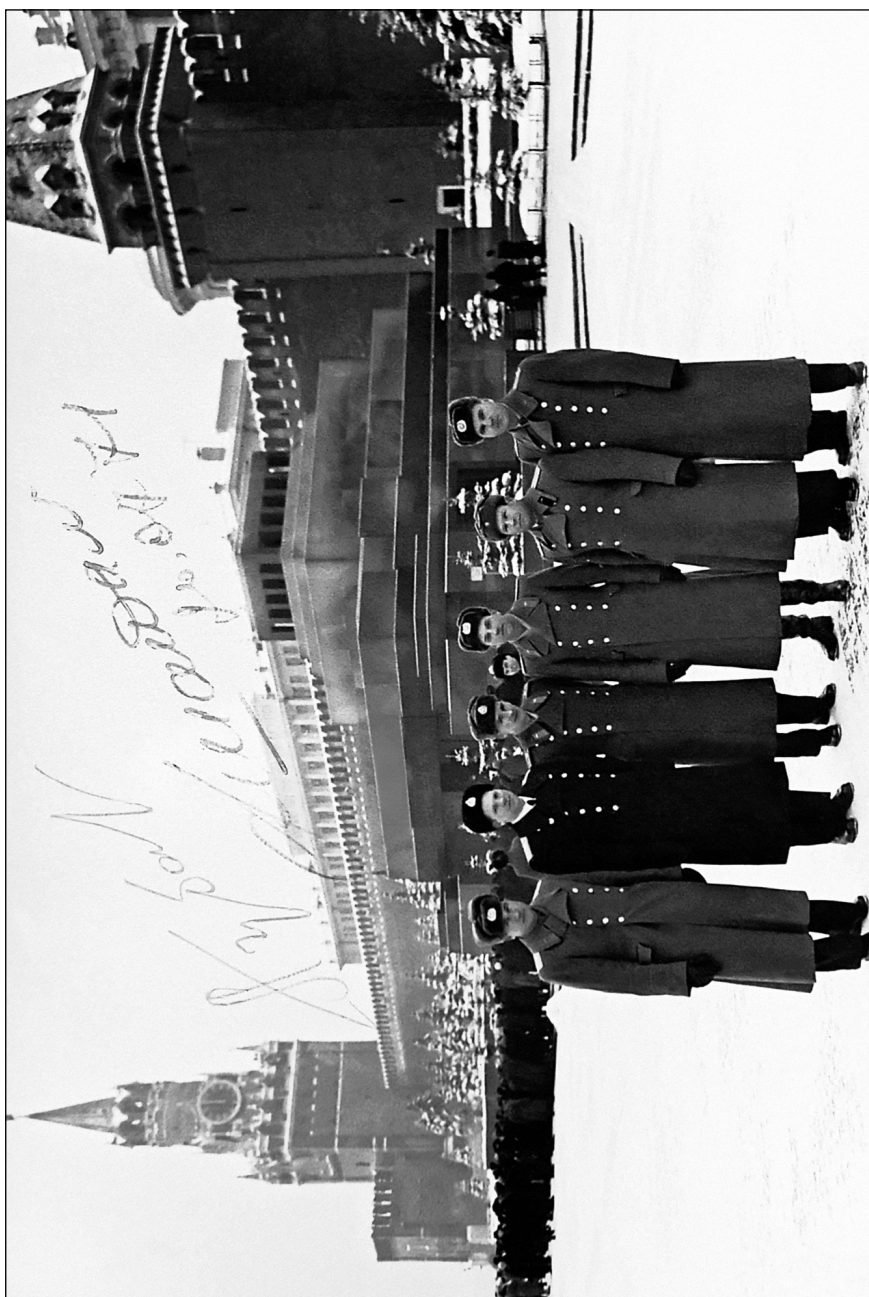
Моя сестра Налетова А.А. (Губарева) с моими детьми
Владимиром и Ольгой. 1961 г.

В сурдокамере. 1963 г.

На Красной площади после зачисления в отряд. ►

Слева направо: А.Филипченко,
А.Губарев, А.Куклин, Г.Добровольский,
П.Колодин, В.Шаталов. 1963 г.

А.А.Губарев у самолета. 1968 г.

Март														
Число месяца	Тип самолета	Время суток	Содержание задания	В том числе										
				Высота полета	Освещенность	Видимость	В облаках	В тумане	В дожде	В снегопаде	В грозе	В пыле	В дыму	В радиации
6	МиГ-15	Д	Поиск на кругу упр. 2	3 0	42	-	0	12	-	0	16	-	15	10
6	МиГ-15	Д	Поиск на кругу упр. 2	1 0	42	-	0	12	-	0	15	-	15	10
6	МиГ-15	Д	Поиск на кругу упр. 20	1 2	43	-	1	26	0	30	-	-	24	10
6	МиГ-15	Д	Поиск на кругу упр. 112	1 1	17	-	1	14	-	-	-	-	19	10
19	МиГ-15	Д	Поиск на кругу упр. 244	4 1	13	-	-	-	-	-	-	-	23	10
26	МиГ-15	Д	Поиск на кругу упр. 244	1 0	17	-	-	-	-	-	-	-	18	10
26	МиГ-15	Д	Поиск на кругу упр. 244	1 2	43	-	-	-	-	-	-	-	12	10
27	МиГ-15	Д	Поиск на кругу упр. 244	1 2	17	-	-	-	-	-	-	-	22	10
Всего 21-14 вылет:				13	12	15	-	4	04	-	30	-	11	-
Итого за месяц:				13	12	15	-	4	04	-	30	-	11	-
Запись в полетной книге о поиске Ю.А.Гагарина				6/4 21/215 полковник Ю.А.Гагарин										

Запись в полетной книге о поиске Ю.А.Гагарина

- На собрании. Слева направо: первая в первом ряду – Н.А.Губарева, во втором ряду, четвертый слева – Ю.А.Гагарин, рядом с ним, справа – Н.Ф.Никерясов

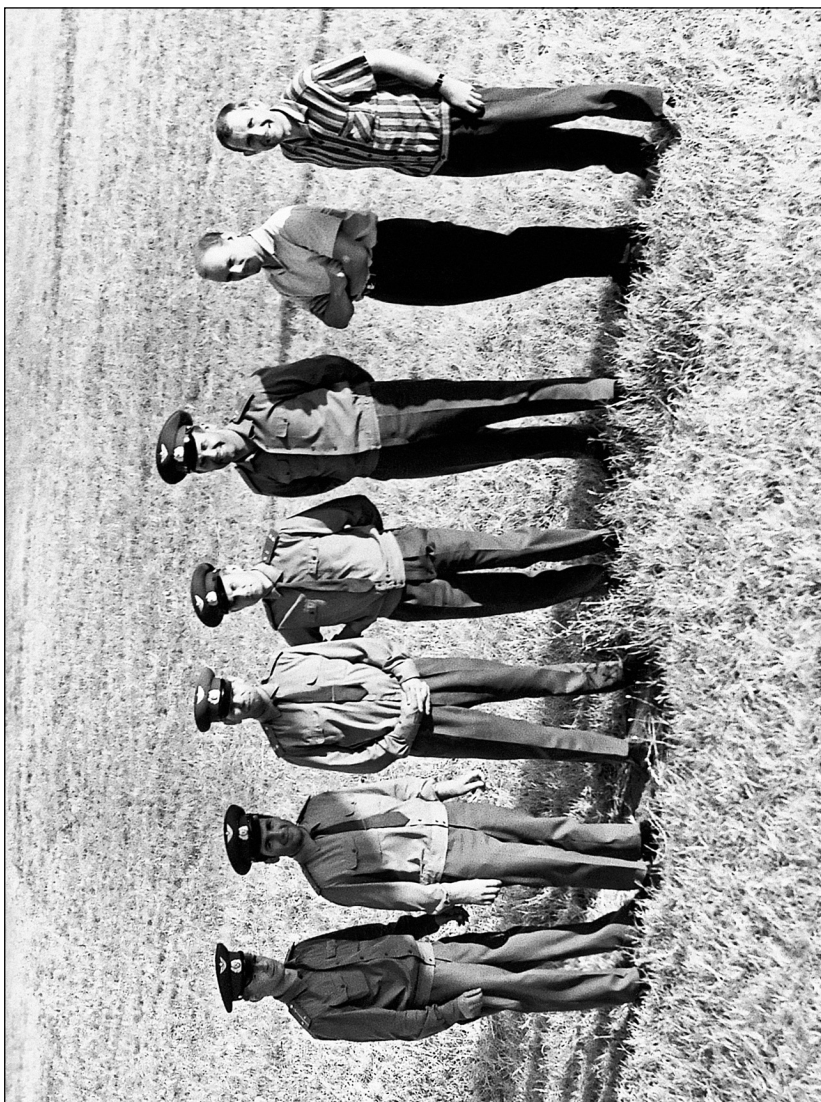
А.А.Губарев. 1970 г.

«Пионеры»: Губарева Н.А. и Попович П.Р.
Новый год, «Пионерская зорька». 1969 г.

Справа налево: А.Губарев, В.Севастьянов, В.Кубасов, А.Леонов на совещании. 1971 г.

Перед прыжками с самолета. Слева направо:
 2-й слева – П.Климук, 3-й слева – А.Губарев,
 5-й слева – Г. Добровольский, 6-й слева – В.Лебедев,
 7-й слева – О.Макаров с инструкторами. 1971 г.

Перед стартом: Г.Добровольский, В.Пацаев и В.Волков

- ◀ Космонавты с фотокорреспондентами.
Слева направо: 2-й слева – П.Климук,
3-й слева – А.Губарев,
4-й слева – В.Севастьянов, 5-й слева – В.Лазарев

11 января 1975 г. – перед стартом
А.Губарева и Г.Гречко

- ◀ Комплексная тренировка.
Слева направо:
Г.Гречко, А.Губарев,
В.Шаталов. 1974 г.

А.Губарев. Звездный городок.
1969 г.

Л.Воробьев и А.Губарев.
1969 г.

А.А.Губарев на велотренажере
на орбите. Январь 1975 г.

А.А.Губарев на орбите
на беговой дорожке. Январь 1975 г.

Космонавты у тренажера.

Слева направо:

верхний ряд – Г.Сарафанов, П.Климук, В.Зудов,

средний ряд – В.Горбатко, Е.Хрунов, П.Попович,

нижний ряд – А.Николаев, Л.Демин, А.Губарев, А.Филипченко,
Г.Береговой и А.Леонов. 1976 г.

На старте на Байконуре.
Слева направо: Н.Рукавишников,
О.Пелчак, А.Губарев и В.Ремек.
Март 1978 г.

На орбите в «гостях». Слева направо: В.Ремек, А.Губарев, Г.Гречко и Ю.Романенко. Март 1978 г.

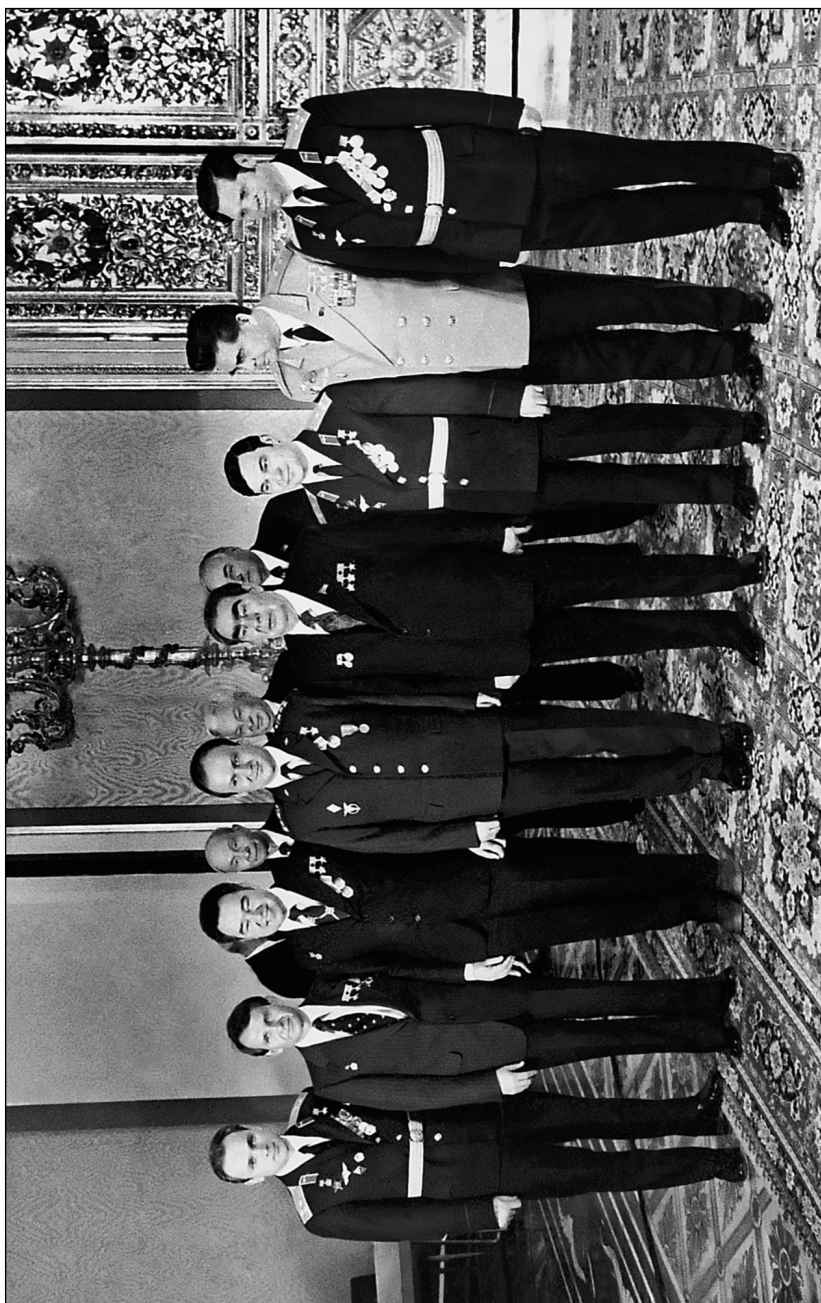
- ◀ В семейном кругу.
На переднем плане – моя супруга
Н.Губарева и В.Ремек,
на втором плане – дети
Ольга и Владимир. 1977 г.

Встреча на казахстанской земле.
Март 1978 г.

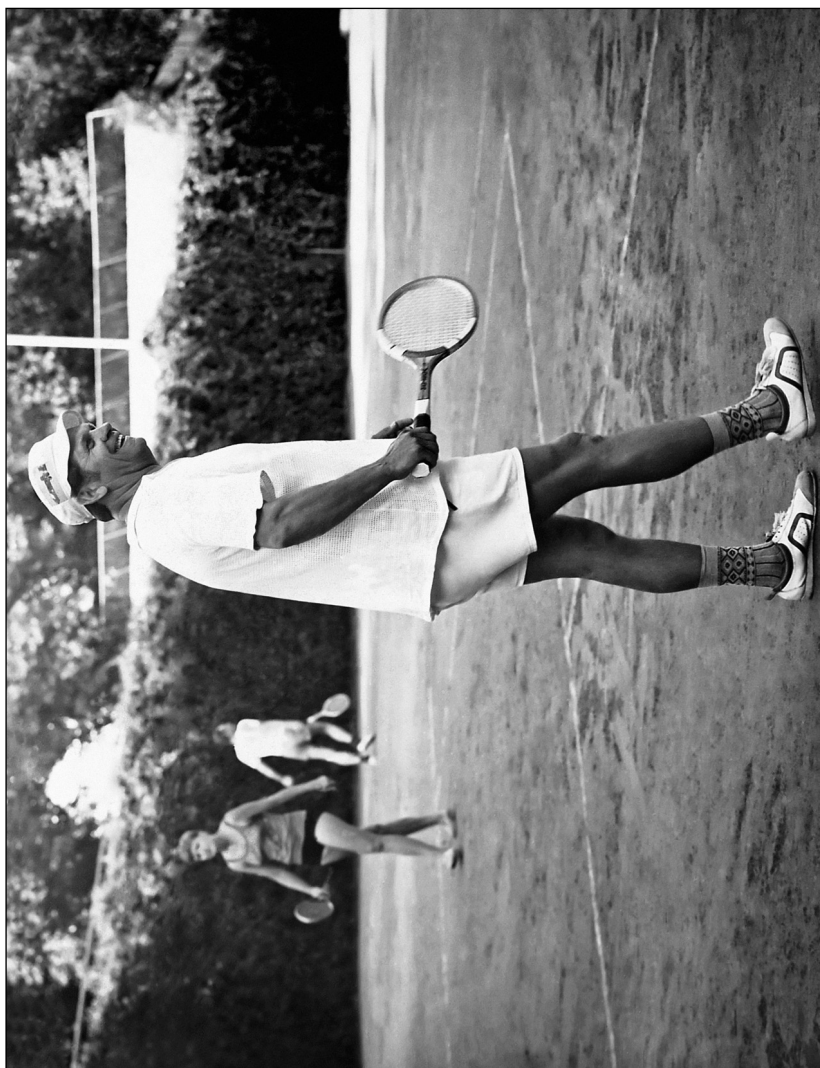
Новый экипаж готовится к старту.
Командир – Губарева Надежда Алексеевна,
космонавт-исследователь В.Ремек.
Байконур, март–апрель 1978 г.

У.Поур

- ◀ На вручении правительственных наград.
Слева направо: В.Джанибеков, О.Макаров,
Г.Гречко, Л.И.Брежнев, Ю.Романенко,
Г.Береговой, А.Губарев. 1978 г.

На теннисном корте
в Звездном городке. 1979 г.

Теннисный клуб в Солонцово ►

На выступлении в Посольстве Чехии. 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

В качестве предисловия от редактора.....	4
«...Каким он парнем был...».....	6
«Сквозь тернии к звездам...».....	14
«Правда хорошо, а счастье лучше».....	14
«Таких не берут в космонавты...».....	17
Космические будни.....	21
О психологической совместимости.....	21
Эксперименты на орбите.....	24
О конкуренции за «место под солнцем».....	26
Немного о встречах с интересными людьми.....	32
«Свой свояка видит издалека...».....	32
Очевидное – невероятное.....	34
Из разряда курьезов.....	37
И смех, и грех.....	37
Как мы едим яйца.....	39
«Как хорошо быть генералом!».....	39
Реклама – двигатель торговли.....	40
То здесь, то там: «Ку-ку, ку-ку!».....	41
Деревенский бизнесмен.....	42
Спорт и космос.....	45
Коротко о главном и немного о важном.....	48
Из интервью в журнале «Техника молодежи», 1980	48
И немного из области фантастики.....	49
Жизнь прожить – не поле перейти.	51
В качестве заключения от автора.....	51
Приложение.....	55
Биография А.А.Губарева.....	55
Выдержки из статьи И.Дворовских	
«Одиссеи космические и земные.....	58
Владимир Ремек. Биографическая справка.....	61
А.А.Мироненко. Биографическая справка.....	63

Алексей ГУБАРЕВ

Космос начинается на земле. Эпизоды...

Идея проекта и литературная обработка:

О.Губарева

Редактор *И.Шевченко*

Под общей редакцией *О.Губаревой*

В книге использованы фотоматериалы
из архива РГНИИЦПК,
личных архивов А.А.Губарева,
фото Карела Мевалда

Фото на обложке: Бюст на Родине. Село Гвардейцы

ISBN 978-5-9902752-1-8

9 785990 275218

Подписано в печать 16.03.2011 г. Формат 60 x 90/16.
Печать офсетная. Объем 6 печ. л. Тираж 1000 экз.

Издательско-производственный центр «Русский раритет».
119002, Москва, Денежный пер., 22

ISBN 978-5-9902752-1-8

© А.А.Губарев, 2011

© О.А.Губарева, 2011

© Оформление ИПЦ «Русский раритет», 2011